

БЕСПРИСТРАСТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ АЛУАНК

Интервью с ведущим научным сотрудником института истории НАН РА, доктором исторических наук, профессором Генрихом Суреновичем Связяном

Корр. – Географически какое место в регионе занимала страна, называемая «Алуанк»? Когда сформировалась алуанская государственность?

Г.С. – Страна Алуанк была расположена к востоку от Великой Армении, непосредственно примыкая к ней, и занимала территорию, простирающуюся на север от реки Кура до Главного Кавказского хребта. Именно здесь в I веке до нашей эры сформировалась страна, которую армяне называли «Алуанк», римляне - «Албания», грузины – «Рани» или «Эрети», а ассирийцы и персы – «Аран», «Ар-ран» или «Ал-ран»

Корр. – Каково происхождение алуанцев и какой смысл вкладывался в название этой страны?

Г.С. – Термин «Алуанк» возник на востоке Армении, в армянской среде и в основе его лежит армянское слово «апу» (кроткий, сладкий, приятный¹). Об этом еще в V веке свидетельствовал отец армянской истории Мовсес Хоренаци. Повествуя о деятельности армянского царя Вагаршака (Трдат I, 66-88 гг.), направленной на укрепление армянской государственности, отец истории сообщал, что государь передал одному из потомков Айка – князю по имени Сисак обширное пространство "вдоль границ армянской речи", которое "получило название Алуанк из-за его (Сисака-Г.С.) кроткого нрава, ибо его называли "алу"². Происхождение топонима от слова «апу» характеризовалось также и той особенностью, что вся страна в целом определялась как «приятная, привлекательная», а в природно-климатическом смысле - как плодородная, тучная, о чем неоднократно упоминали античные, армянские и арабские летописцы и географы раннего средневековья. Термин «Алуанк», возникнув в

¹ Նոր բառգիրք Հայկազգեան լեզուի, Երևան, 1979, էջ 42: «Новый словарь армянского языка (Айказян)», Ереван, 1979, с. 42

² Мовсес Хоренаци, «История Армении», пер. с древнеармянского языка, введение и примечания Гагика Саркисяна, Ереван, 1990, стр. 63-64.

восточных районах Армении, в период активизации армяно-римских отношений (обусловленных походами Лукулла и Гнея Помпея), был ретранслирован армянами римлянам и последние, придав этому незнакомому, непривычному для их слуха топониму латинское звучание, ввели его в обращение под названием «Албания». Имело место обычное замещение звуков «т» на «л» и «у(в)» на «б», в результате чего слово получило соответствующую латинскую транслитерацию.

Первым этимологией топонима «Аран» (Рани, Ал-ран, Ар-ран) занялся Н. Марр, обратившись с этой целью к современным дагестанским языкам. Согласно Марру, в языке одного из дагестанских племен-лакцев сохранилось слово «ар» в значении «равнина, долина», а в языке хналогов исследуемое слово означает «теплый», «горячий», употребляясь в значении «низменность», «зимнее пастбище».

Таким образом все эти названия не имели этнической подоплеки, а лишь акцентировали природные особенности этой страны.

Корр. – Каков был этнический состав Алуанка и как следует именовать проживавшее там население?

Г.С. – Страна Алуанк, согласно Страбону, была заселена 26-ю значительно отличающимися друг от друга племенами с разными языками, верованиями и укладом жизни, управляемых собственными царями (племенными вождями)¹, которых, однако, античные авторы, не дифференцируя, именовали единым обобщающим понятием - «агван-alban-albanoi», и данный топоним по сегодняшний день принят и используется исследователями. Однако, жителей страны, представляющих столь пестрый состав племен неизвестного происхождения, было бы корректней называть «алуанцы» или «агванцы», беря за основу понятие «жители страны Алуанк», которое, при наличии населения без какой-либо этно-национальной самоидентификации, было бы единственным правильным названием, лишенным этнической нагрузки.

¹ The Geography of Strabo, XI, IV, 6

Корр. – Сформировались ли они как народ и могут ли считаться прародителями нынешних азербайджанцев?

Г.С. - Среди алуанских племен различаются в основном два этнических компонента – местный, который, согласно исследователям, принадлежал к кавказской языковой семье¹, и пришлый, который, в свою очередь, рассматривается как принадлежащий к племенам ирано-скифской языковой семьи². Эти племена, проживающие на территории будущего Алуанка, начали процесс консолидации алуанских племен, который, однако, ввиду многоплеменности, географической и экономической раздробленности региона, ряда социальных и политических обстоятельств так и остался до конца незавершенным. Данное обстоятельство является одной из особенностей истории страны Алуанк, чем она и отличается от истории соседей, завершивших процессы консолидации и достигших этнической целостности.

Большая племенная пестрота, трудности контактов разных племен³ и незавершенность языковых и культурных процессов в достижении этнической общности явились теми причинами, которые обусловили постепенную ассимиляцию алуанцев и их исчезновение с исторической арены. Их этническая ассимиляция начинается с периода персидских и арабских завоеваний, приобретая особую интенсивность после завоевания края тюрками-сельджуками во второй половине XI в. Так что при образовании современного азербайджанского народа одним из его компонентов стали не исчезнувшие с исторической арены незадолго до этого процесса алуанцы, а составлявшие основную массу тюрк-сельджуков огузские племена. Поэтому абсолютно неверно мнение, что алуанцы являлись предками современного азербайджанского народа. Ошибочность такого мнения становится более наглядной, когда принимается во внимание тот реальный факт, что алуанцы принадлежали к Кавказской языковой семье, а современный азербайджанский народ – к огузской группе тюркских языков.

Корр. – Не завершив процесс племенной консолидации и не оформившись как народ, алуанцы, тем не менее, имели государство. Каковы были границы последнего?

¹ А. И. Болтунова, Племена, обитавшие на территории Азербайджана в I тысячелетии до н. э. Очерки истории СССР, первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956, с. 224, 225; А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 39.

² А. И. Болтунова, Племена, обитающие на территории Азербайджана, с. 225.

³ Страбон, XI, IV, 6.

Г.С. - В 66/65 гг. до нашей эры римский полководец Гней Помпей три раза вступал в сражения с алуанским царем Ороэном и, одолев его, завоевал Алуанк, превратив страну в «друга и союзника Рима». Римлян, как и всех завоевателей, крайне интересовали все особенности покоренной страны, также как и вопрос протяженности ее границ. Соответственно, этот вопрос достаточно четко и ясно осветили, в частности, знаменитые географы Древнего мира Страбон (I век до н.э. - I век н.э.), Плиний Старший (I век н.э.) и Клавдий Птоломей (II век н.э.). Свидетельства последних дополнили и подтвердили Плутарх, Тацит (оба - I-II век н.э.), Аппиан (II век н.э.) Дион Кассий (II-III век н.э.) и все те, кто исследовал Кавказские походы Помпея. Согласно предоставленным ими сведениям, границы Албанского государства простирались на севере до Кераунского (Шантского) южного горного ответвления Главного Кавказского хребта и являющейся его продолжением реки Соана (Сумгаит), на востоке – до Каспийского моря, на западе – до реки Алазань, а на юге – до реки Кура. Столицей страны являлся город Кабалак (Cabalaca). Аналогичные границы Алуанка указывают также армянские источники и, в частности, автор «Ашхарацуйц»-а («География»), именуя страну «собственно Алуанк», который «находится между большой рекой Кура и Кавказскими горами»¹. Таким образом, топоним «Албания» отражен в греко-римских источниках именно в вышеуказанных границах Восточного Закавказья, но никак не более того. В этом смысле термины «Албания» и «собственно Алуанк» в хронологическом контексте подразумевают государство Алуанк в период всего его существования от формирования до исчезновения, то есть от начала I века до н.э. до середины V века н.э. Следует также подчеркнуть, что, согласно сведениям античных и армянских авторов, южная граница Албании-Алуанка в названный период всегда проходила по реке Кура, отделяя ее от Великой Армении.

Корр. – Просил бы Вас более подробно осветить этот вопрос.

¹Մշխարհացոյց Մովսէսի Խորենացւոյ յաւելոյածովք նախնեաց, Վենետիկ, 1881, էջ 29: (Предисловие к географии Мовсеса Хоренаци, Венеция, 1881, с. 29)

Г.С. - Согласно сообщению Страбона, “албанцы... живут между иберийцами и Каспийским морем, на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберийцами. Что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами (потому что эти горы возвышаются над равнинами и называются, в особенности их части, что у моря, Кераунийскими горами), а последнюю сторону образует Армения, граничащая с ней”¹. Армения же, согласно Страбону граничила с Алуанком до того места, где “впадают в (Каспийское – Г. С.) море реки Кир и Аракс”², то есть до устья этих рек.

По свидетельству Плиния Старшего, “ всю равнину, начиная от реки Кира (к северу – Г. С.), заселяет племя Албанцев, а затем – Иверов, которые отделены от первых рекою Оказаном (Алазаном – Г. С.), текущую с Кавказских гор”³. Клавдий Птолемей описывает современную его эпохе Алуанк в тех же границах: “Албания граничит с севера описанной частью Сарматии, с запада – Иверией..., с юга - частью Великой Армении, идущего от границы с Иверией до Ирганского моря к устью реки Кира”⁴. Кроме этих общих сообщений о границах Алуанка, они попутно обращались и к описанию разных вопросов истории страны, вновь отмечая, в связи с этим, те же границы, и тем самым придавали географическому охвату Алуанка четкую определенность.

После греко-римских авторов о границах Алуанка сообщают армянские историки. Первым из них является Фавстос Бузанд, который повествуя о событиях IV в., указывает южной границей Алуанка реку Куру⁵. Более ясное представление о границах Алуанка дает “Ашхарацуиц”, согласно которому “Албания, т. е. Алуанк [находится – Г. С.] к востоку от Грузии, граничит с Сарматией, Кавказским хребтом и простирается до границы Армении по реке Кире”⁶, или “собственно страна Алуанк, которая расположена между рекой Курой и горой Кавказза”⁷.

Вопросом географических границ Алуанка занимался также и ряд исследователей, которые при ссылках на сведения упомянутых источников, тем не менее, и по сей день не пришли к общему заключению. При этом расхождения наблюдаются как в вопросе территориального охвата, так и времени сложения

¹ Страбон, XI, IV, I.

² Там же, XI, I, 5.

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 181.

⁴ Там же, т. I, с. 242.

⁵ Бузанд, с. 15, 162.

⁶ Ашхарацуиц, с. 28-29.

⁷ Там же, с. 29.

границ Алуанка. Особенно острые разногласия вызвал вопрос о его южной границе, которую все источники, начиная со Страбона, т. е. с I в. до н. э., и до V в. неизменно считали проходившей по р. Кура. О Кура как границе между Великой Арменией и Алуанком уже упоминалось в вышеприведенных сведениях Страбона и Плиния Старшего. Кроме того, Страбон выражает эту мысль и в других своих сообщениях. Например, говоря о гаваре Шакашен области Утик, географ сообщает, что гавар этот граничит с Алуанком, а границей между ними является река Кура: “За этой равниной, - пишет Страбон, имея в виду равнину Аракса, - идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Курой”¹. Принимая реку Кура в качестве границы между этой армянской областью² и Алуанком, Страбон фактически считает эту реку границей между Арменией и Алуанком. Плиний Старший в свою очередь, перечисляя с севера на юг племена, обитавшие на западном берегу Каспийского моря, и отмечая, что алуанцы “расселившиеся по Кавказским горам, доходят, как сказано, до реки Кура, составляющей границу Армении и Иверии”³, тем самым подтверждает вышеприведенную мысль о том, что южной границей Алуанка была река Кура. То, что последняя была границей между Арменией и Алуанком, после Страбона и Плиния вполне определенно подтверждает Клавдий Птолемей: “Кир, который течет по всей Иверии и Албании, отделяя от них Армению”⁴, и далее продолжая: “Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир”⁵, а в завершение, говорит об армянских областях, заключающихся “между рр. Евфратом, Киrom и Араксом”⁶.

Эти сведения о реке Кура как пограничной реке между Арменией и Алуанком обосновываются также сообщениями Плутарха, из которых следует, что алуанцы, при нападении на Помпея зимой 66-65 гг. до н. э., перешли реку Кура⁷. Так дважды поступал и Помпей, т. е. переходил реку Кура, чтобы напасть на алуанцев⁸. Кстати, как раз эту часть реки Куры алуанцы перекрыли частоколом, чтобы воспрепятствовать их вторжению в Алуанк⁹. Дион Кассий также

¹ Страбон, XI, XIV, 4.

² То, что упомянутая область была армянской и составляла неотъемлемую часть Армении Страбон свидетельствует многократно (см. Страбон, II, I, 14; XI, VII, 2; XI, VIII, 4).

³ Известия древних писателей..., т. II, с. 184.

⁴ Там же, т. I, вып. I, с. 242.

⁵ Там же, с. 243.

⁶ Там же, с. 244.

⁷ Плутарх, Помпей, XXXIV.

⁸ Там же, XXXV.

⁹ Там же.

упоминает об обитавших к северу от Куры алуанцах¹, а это означает, что река Кура являлась южной границей Алуанка. Повествуя о первой стычке римлян с алуанцами, Дион Кассий пишет, что Помпей разгромил алуанцев как раз у переправы через Куру, куда они пришли для ее перекрытия, пытаясь предотвратить вторжение римлян в Алуанк. В этой связи Дион Кассий делает еще одно интересное сообщение, из которого следует, что собственно страна алуанцев находилась за Курой. Так, рассказывая, что этим наступлением алуанцы вызвали гнев Помпея, историк пишет, что римскому военачальнику “очень хотелось отомстить им вторжением *в их собственную землю*”, но он не смог этого сделать вследствие наступающей зимы и остался зимовать в стране “Анаитис” у реки Куры². А так как страна “Анаитис” (или “Аспис”), по сведениям того же историка, находилась в Армении³, то значит и “собственная земля” алуанцев находилась за ее пределами, т. е. за Курой. Наконец и Стефан Византийский, ссылаясь на Асиния Квадрата, рассматривает правобережье Куры как место обитания оваринов и утиицев, заселяющих значительную часть Армении⁴.

Как уже было сказано, Фавстос Бузанд считал границей между Великой Арменией и Алуанком реку Кура. По его свидетельству, она являлась северной границей Армении в течение всего IV в. и этот факт отражал существующую на протяжении предыдущих веков историческую действительность. Повествуя о вторжении в Армению северных кочевых племен, во главе с так называемым мазкутским царем, прозванным Санесаном, Бузанд сообщает, что они, перейдя реку Кура, сразу очутились в Армении: “Перешел свою границу, - пишет Бузанд о Санесане,- большую реку Куру и наводнил армянскую страну”⁵. В другом месте, говоря уже о периоде, последовавшем за армяно-персидскими войнами 60-70-х гг. того же века, историк повествует о том, что спарпет армянских войск Мамиконян сражался против союзника Сасанидского Ирана - Алуанка, отвоевал захваченные им гавары Армении и “... реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше”⁶. Напомним, что согласно “Ашхарацуицу”, граница Алуанка проходила между Великой Арменией и Алуанком по реке Куре⁷.

¹ Дион Кассий, XXXVI, 54, 1.

² Там же, XXXVI, 54, 5 (курсив наш – Г. С.).

³ Там же, XXXVI, 48, 1.

⁴ Известия древних писателей..., т. I, вып. I, с. 270-271.

⁵ Бузанд, с. 15.

⁶ Там же, с. 162.

⁷ Ашхарацуиц, с. 28-29.

Таким образом, сведения античных и армянских историков и географов, живших и творивших с I в. до н. э. до V в. н. э., приводят к тому бесспорному убеждению, что в течение всего этого времени южной границей Алуанка была река Кура. Этот факт принимают многие исследователи: А. Яновский, С. Юшков, С. Еремян, Ас. Мнацаканян, Б. Улубабян, А. П. Новосельцев, В. Томашек, А. Акопян и др.¹ К. В. Тревер находит, что Кура была границей между Арменией и Алуанком еще раньше – со II в. до н. э.², К. Алиев – только со II в. н. э.³ Согласно последнему, до этого граница Алуанка проходила по реке Аракс⁴. Аракс для всех времен был южной границей Алуанка считает Ф. Мамедова. Более того, безосновательно, лишь по своей прихоти, переносит “ретроспективно” сообщения источников на III в. до н. э., она находит, что Алуанк еще с указанного века, якобы, не только был заключен между Кавказским Главным хребтом и рекой Аракс, но и на севере имел сферу своего влияния вплоть до реки Сулак и далее⁵.

Считая реку Куру границей между Великой Арменией и Алуанком со II в. до н. э., К. В. Тревер связывает ее с “завоевательной” политикой Великой Армении. Согласно ее мнению, еще в начале II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189-160 гг.) в процессе своей деятельности, направленной на объединение страны, будто отнял у Алуанка входившие в его состав области Утик, Арцах, Паутакаран и гавар Шакашен, которые “будучи раздроблены... не могли воспрепятствовать захвату их земель” и “с той поры пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру”⁶. Затем, предполагает она, эта “аннексированная” территория до IV в. н. э. оставалась в составе Армении и лишь после этого века вновь объединилась с Алуанком⁷. Для подтверждения своего мнения К. В. Тревер ссылается на известное сообщение Страбона о мнимом “завоевании” земель Арташесом у соседних стран⁸. Однако ссылка на данное сообщение, в котором нет никаких оснований для подобного заключения, представляется антинаучной, Страбон поименно перечисляя страны,

¹ А. Яновский, О древней Кавказской Албании, с. 97; С. В. Юшков, К вопросу о границах древней Албании, с. 132, 144; С. Т. Еремян, Атлас к книге “История армянского народа”; Ас. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании, с. 18-33; Б. Улубабян, О границах древнего Агванка, ВЕУ, 1979, N 1, с. 113-114 (на арм. яз.); А. П. Новосельцев, К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании, с. 10-18; Tomashek, Albania; Albanoi; PWK, p. 1303; А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 21-27.

² К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 58.

³ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 122.

⁴ Там же, с. 90, 122 и сл.

⁵ Ф. Мамедова, политическая история... Албании, с. 58.

⁶ К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 58.

⁷ Там же, пр. 8.

⁸ Там же, с. 58.

подвергшиеся завоеваниям и “захваченные” области¹, вообще не касается ни Алуанка, ни областей, отмеченных К. В. Тревер. В период, указанный К. Тревер, т.е. во II в. до н.э., Алуанк еще не представлял собой сформировавшегося государственного образования и, естественно, Арташес не мог аннексировать какие-либо области от несуществующей политико-административной единицы. Игнорирование этого обстоятельства антиисторично и ошибочно, поэтому без труда опровергается данными источников и, в первую очередь, сказанием о Ерванде и Арташесе, пересказываемым Мовсесом Хоренаци: “В области Утик Еруанда застаёт весть о том, что персидский царь собрал большую рать под начальством Смбата, чтобы напав на тебя, возвести молодого Арташеса на положенное ему царство”². Одно уже то обстоятельство, что, согласно сказанию, представители разных армянских родов свой династический спор решают в Утике, показывает, что эта область, а тем более расположенная южнее нее область Арцах, издревле являлись органическими частями Армении и задолго до Арташеса составляли неотъемлемые части Ервандидской Армении.

“Открытие” К. Алиева о Кура как границе между Арменией и Алуанком только во II в. н.э. основано на фальсификациях и самовольных толкованиях сообщений источников. Например, сообщение Страбона, согласно которому “река Аракс течет до границ Албании”³, из которого следует только то, что Аракс не является границей Алуанка, а всего лишь течет до его границы. К. Алиев «редактирует» его следующим образом: “Аракс течет в пределы Албании”⁴. Тем самым он пытается приписать Страбону мнимое сообщение о том, что Аракс, якобы, протекает по территории Алуанка. Тем не менее, под давлением сообщений из разных источников, он вынужден признать, что река Кура являлась границей между Арменией и Алуанком, и, лавируя среди достоверных сообщений, пытается во что бы то ни стало доказать, что она могла быть южной границей Алуанка лишь во II в. н. э. По его мнению, рассмотрение Куры как южной границы Алуанка до II в. н. э. – результат неверных переводов соответствующих сообщений античных авторов и с воодушевлением первооткрывателя приступает к выявлению и “исправлению” наличествующих в них “ошибок”. Он пишет, что в переводе В. В. Латышева сообщение Плиния (“всю равнину, начиная от реки Куры, заселяет племя албанцев”) оторвано от контекста и создает иллюзию того, что

¹ Страбон, XI, XIV, 5.

² Хоренаци, с. 95-96.

³ Страбон, XI, XIV, 4 (курсив наш – Г. С.).

⁴ К. Алиев, Кавказская Албания, с. 114 (курсив наш – Г. С.).

алуанцы проживали, начиная от Куры, а на самом деле, согласно К. Алиеву, из контекста того же сообщения якобы следует, что “албанские и иберские племена обитали “вплоть до всей равнины Кюр”¹, т. е. алуанцы обитали и на правом берегу и на левом берегу Куры. Основываясь на этих “коррективах”, он объявляет: “данные Страбона, Плиния и Птолемея свидетельствуют о том, что территория Кавказской Албании разделилась на две части: на области, расположенные к северу от Куры, и на области, находящиеся южнее Куры и входившие до этого в состав Албании”². Однако алиевские переводы совершенно своевольны, а заключения предвзяты, поскольку противоречат сущности сообщений названных авторов, которые сохранились как в русском переводе В. В. Латышева, так и в английском, приведенном параллельно с греческим оригиналом³. Так что выискивая ошибки там, где их нет, К. Алиев фальсифицирует исторические факты. Высказывая свое несогласие с теми исследователями, которые южной границей Алуанка ранее II в. считают реку Куру, он самодовольно объявляет, что река Кура была границей между двумя странами “только во II в.”⁴.

Таким же образом к сообщениям источников подошла и Ф. Мамедова. Оставив в стороне многочисленные сообщения античных и армянских историков о том, что река Аракс являлась одной из рек Армении⁵, а следовательно не могла быть южной границей Алуанка, она, как и предыдущий автор, сообщения о ней объявляет противоречивыми и исторически неверными. Ложными она называет также и те сообщения Страбона, в которых Шакашен и Араксена упоминаются как армянские гавары, находит преувеличенным и тенденциозным свидетельство Фавстоса Бузанда о Куре как границе между Алуанком и Великой Арменией, да и вообще об Алуанке и алуанцах, считает необоснованными сообщения того же Бузанда и Ширакаци об Утике, Арцахе, Шакашене, Гардмандзоре и Паутакаране как исконно армянских областях⁶ и т. д., поскольку приводимые ими сведения совершенно не в интересах Ф. Мамедовой.

¹ Там же, с. 88.

² Там же, с. 121. Такого же превратного мнения придерживается и грузинский историк Т. Папуашвили, который считает, что рекой Курой Алуанк разделен на две части: левобережный и правобережный Алуанк (см. **Т. Папуашвили**, Вопросы истории Эреми, с. 5, на груз. яз.).

³ Ср. **Известия древних писателей...**, т. II, с. 181; **Pliny**, Natural History (“All the plain from the Kur onward is occupied by the race of the Albani”), VI, 11.

⁴ **К. Алиев**, Кавказская Албания, с. 122.

⁵ **Страбон**, XI, I, 5; IV, 2; XIV, 4, 6, 7; **Плиний** (Известия древних писателей, т. II, с. 181); **Помпоний Мела** (Там же, с. 125); **Птолемей** (Там же, т. I, вып. I, с. 244); **Хоренаци**, с. 93, 99.

⁶ **Ф. Мамедова**, Политическая история... Албании, с. 45, 46, 53, 119, 124, 145-146.

Ф. Мамедовой представляются ошибочными сведения Страбона, Плутарха, Плиния Старшего, Аппиана и Диона Кассия о Кура как о границе между Арменией и Алуанком. Она считает, что река Кура рассматривалась границей Армении и Алуанка лишь вследствие не критичного подхода исследователей к свидетельствам указанных авторов, без попытки выявления их достоверности, появления “армянской традиции”¹ по этим вопросам и, в особенности из-за полного игнорирования сообщений Хоренаци и Каланкатуаци². Она прямо требует не верить античным авторам, поскольку, по ее мнению, “их информация носила случайный и противоречивый характер и вполне могла быть неточной”³. Это своевольное требование она объясняет тем, что в основе сообщений этих авторов лежат сведения плохо знавших географию Южного Кавказа Эратосфена, Патрокла и участников Кавказского похода Помпея, особенно последних, “чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании”⁴. Однако обвинения Ф. Мамедовой в адрес античных авторов совершенно совершенно надуманы и беспочвенны. В основе описания Алуанка и особенно сообщений Страбона лежат не сведения Эратосфена, Патрокла или случайных спутников походов Помпея, а данные компетентных людей: в основном военные дневники и отчеты участника и очевидца походов Помпея военного, политического и государственного деятеля Феофана Митиленского⁵, которые являлись официальными государственными докладными записками, достоверными документами. Как таковые, они содержали в необходимом количестве достоверные сведения не только по вопросу границ Алуанка, но и о его социальной, экономической и политической жизни, поскольку римских завоевателей именно в этом аспекте интересовали подлежащие завоеванию страны. Увлекаясь поисками противоречий в сообщениях Страбона (и других авторов), Ф. Мамедова критическое отношение Страбона к своим источникам, и, в частности, к Посидонию⁶, представляет как факт, подчеркивающий противоречивость его сообщений⁷. Но это ненаучный подход. Такое критическое отношение Страбона к своим источникам привело бы добросовестного

¹ “Армянское традицией” Ф. Мамедова называет засвидетельствованное источниками положение о реке Кура как южной границе Алуанка, которое якобы в противоположность исторической истине в историографии ввели армянские историки.

² Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 119.

³ Там же, с. 120, 146.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ Г. С. Связян, Источники Страбона о Кавказской Албании, с. 95-104.

⁶ Страбон, XI, 1, 6.

⁷ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 119.

исследователя к правильному заключению о научном, аналитическом подходе Страбона к используемым им сведениям. Страбон, вследствие тщательного отбора, широко использовал сведения Феофана Митиленского¹, которые никак нельзя считать “случайной информацией”. Значит, в основе сообщений Страбона лежали данные надежных и достоверных источников, на которых базировалось описание Алуанка I в. до н. э. – I в. н. э. в политическом, социально-экономическом и географическом отношениях. Согласно же этим сообщениям, южная граница Алуанак в указанный период проходила по реке Кура.

Отрицая достоверность сообщений античных и армянских авторов о Куре, как границе между Арменией и Алуанком, Ф. Мамедова указывает на Мовсеса Каланкатуаца и Мовсеса Хоренаца, хорошо знавших регион и якобы проводивших границу Алуанка на юге по реке Аракс. С этой целью она ссылается на те их сообщения, в которых говорится о назначении царем Вагаршаком легендарного Аррана наместником в северо-восточных областях и передаче ему территории “от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракерт”². Ни у одного серьезного исследователя не возникло, да и сейчас не возникает сомнения в том, что это сообщение Хоренаца и его последователя Каланкатуаца³ относится к происшедшим в Армении преобразованиям, приведшим к созданию нового армянского наместничества на севере-востоке страны. Уже то обстоятельство, что основателем нахарарств являлся армянский царь, да к тому же “вдоль границ армянской речи”⁴, не оставляет места даже для предположения, что Арран мог унаследовать неармянские территории. Но Ф. Мамедова (как и некоторые другие) видит в этом сообщении не только свидетельство об Араксе как о южной границе Алуанка, но и объявляет Аррана первым правителем Албании и предком алуанцев⁵. алуанцев⁵. Но власть этого “предка” распространялась отнюдь не на ту территорию, искусственное расширение которой считает своей миссией Ф. Мамедова. Проходя на юге по реке Аракс, на западе – у крепости Хнаракерт, граница “предка албанских племен” на севере, как отмечает Хоренаца, доходила до реки Куры⁶. Значит, территория Аррана на севере ограничивалась течением

¹ Г. С. Связан, Источники Страбона о Кавказской Албании, с. 95-104.

² Хоренаца, с. 64.

³ Каланкатуаца, с. 25.

⁴ Хоренаца, с. 63.

⁵ Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., с. 39, 140. и сл. Ее же, Политическая истории ... Албании, с. 101 и сл. См. также К. В. Тревер, Очерки по истории... Албании, с. 46, 144 и сл. Написав, что нахарарский род, возглавляемый Араном, утвердился в собственном Алуанке, Э. Даниелян фактически дополняет их ряды (см. Э. Даниелян, История Гандзасара, с. 38).

⁶ Хоренаца, с. 63-64.

Куры и его власть не распространялась по ту сторону реки, где располагалась совершенно чужая для него страна – Алуанк. Таким образом, на юге, до реки Аракс, раскинулась не территория Собственно Алуанка, а владения Аррана, которые были отделены от нее рекой Кура, что делает беспочвенным их отождествление. По той же логике Арран не мог быть прародителем алуанских племен, обитавших к северу от Куры. Владение Аррана, которое армянские историки называют “Алуанком”, включало территорию, которая на севере была оаимлена рекой Курой, на юге-востоке – рекой Аракс, юго-западе – Арцахскими горами, северо-западе – крепостью Хнаракерт, составляя треугольник, включающий армянские окраинные области Утик и Арцах. Доказательством того, что владением Аррана являлся именно этот край, служит то, что те же историки считают происшедшими от него лишь племена живших в этом треугольнике утийцев, гардманцев, цавдейцев и гаргарейцев. Как видим, “Алуанк” армянских историков по своим географическим границам отнюдь не соответствует “Албании” греко-римских источников. Так что сообщения Хоренаци и Каланкатуаци о границах владения Аррана не могут быть основой для доведения границы Собственно Алуанка до Аракса, а полностью служат неопровержимым доказательством того, что его южной границей была река Кура. Отметим, однако, что в определенный исторический период политическая граница Алуанка доходила до Аракса. Это произошло при следующих политических обстоятельствах. Как повествует Бузанд, воспользовавшись тяжелым положением в Армении, создавшимся вследствие армяно-персидских войн 50-60-х годов IV в., Алуанк, будучи союзником Сасанидского Ирана, напал на Армению и захватил гавары Ути-Арандзнак, Шакашен и Гардман области Утик. Согласно тем же сведениям Бузанда, Алуанк захватил также гавар Кохт, что в Арцахе. Повествуя об этом и перечисляя гавары, захваченные Алуанком, Бузанд отмечает в их числе “и сопредельные им гавары”¹, давая основание для предположения о том, что Алуанк завоевал также и другие гавары северо-восточных краев Армении. Так, в 60-х годах IV в. впервые в истории южная граница Алуанка оказалась за рекой Курой. Однако такое положение сохранялось недолго и уже в 70-х годах того же века, с окончанием армяно-персидской войны, Мушег Мамиконян смог отвоевать отторгнутые от Армении гавары, восстановить прежнее положение и вновь сделать Куру границей между этими двумя странами: “(Мушег Мамиконян – Г. С.) пошел войною также на

¹ Бузанд, с. 162.

страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ими были захвачены, - Утик, Шакашен и Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше¹.

Таким образом, как бы ни старались некоторые исследователи исказить исторические факты, фальсифицируя и истолковывая их в выгодном для них свете и выдавая желаемое за действительное, анализ сообщений историков приводит к убеждению, что река Кура была границей Алуанка и что эту свою роль границы она (кроме указанного короткого времени) сохранила на протяжении всей истории существования государственности Алуанка, т. е. с I в. до н. э. и до середины V в. н. э.

Корр. – Какой политический статус имели в указанный период армянские области Утик и Арцах?

Г.С. Ретроспективно бросая взгляд на вышеизложенное о границах Алуанка, определенных согласно сведениям античных и древнеармянских источников, замечаем, что вне этих исторически сложившихся пределов интересующей нас страны, на севере оставались территории, лежащие от реки Сумгаит до реки Самур, а на юге – все правобережье реки Куры, которые азербайджанские историки совершенно беспочвенно включают в состав Алуанского государства.

Относительно правобережья Куры можно сказать, что помимо греко-римских и армянских источников, единодушно свидетельствующих о том, что Кура была границей между Великой Арменией и Алуанком, и, тем самым, вполне обоснованно утверждающих, что оно является армянской территорией, имеются также и прямые указания источников, подтверждающие это. Географически эта территория включила армянские области Арцах и Утик, с их армянским населением².

Сведения о последних восходят к клинописному периоду истории Армении, когда утийские племена составляли часть большого армянского племенного объединения “Этиуни”, распространившегося от Таика до Сюника, озера Севан и далее на северо-восток, на территорию области Утик, Арцах, а также Айрарат Великой Армении и сопредельных ей районов³. В то же время, в надписи,

¹ Там же.

² Об этом см. также Г. С. Связян, Арцах в исторических первоисточниках, ВОН, 1989, N 11.

³ Хрестоматия по истории армянского народа, т. I, с. 42, пр. 2 (на арм. яз.). См. также, Ов. Карагезян, Армянское нагорье в клинописных источниках, т. I, Ереван, 1998, с. 173-174, 215 (на арм. яз.).

составленной Сардури II (764-735 гг. до н. э.), упоминается область Арцах в форме “Уртехину – ^{kur}Urtehini”¹ как составная часть Аураратского царства².

Выше приводилось сообщение Хоренаци о борьбе за власть между последним представителем Ервандидской династии Ервандом и Арташесом, бывшим в это время селевкидским стратигом³, которая проходила в Утике и доказывала тот факт, что Утик был армянской областью и находился во власти Ервандидов. Из этого следует вполне логическая мысль о том, что не только Утик, но и тем более Арцах, расположенный на юго-западе от него, находились в пределах того же царства.

Победа Арташеса над Ервандом привела к тому, что вся территория Ервандидской Армении, а значит и Утик и Арцах, перешла к основателю новой династии в Армении, а в дальнейшем как неотъемлемые части Армянского царства переходили по наследству к потомкам Арташеса. Это подтверждается как археологическими, так и письменными данными. В пределах нынешнего села Софулу (Агдамский район, являющегося некогда частью гавара Пианк Арцахской области) раскинуты развалины поселений, которые местные жители называют “Ткракертом” или “Тарнакертом”, что является местным звучанием названий “Тигранакерт”⁴, и, безусловно, связаны с именем их основателя Тиграна Великого. О том же поселении под названиями “Тигранакерт”, “Мюс (Другой) Тигранакерт” и “Ткракерт” упоминают и армянские историки Себеос⁵ и Мовсес Каланкатуаци⁶. Это достоверное свидетельство о том, что Утик и Арцах, на территориях которых они были основаны, являлись составными частями государства этого выдающегося представителя династии Арташесидов⁷.

Факт нахождения Арцаха и Утика в составе Великой Армении в этот период и позже подтверждается и сведениями греко-римских источников и, в частности, уже знакомыми нам сведениями Страбона об Утикской области

¹ Г. А. Капанцян, *Chetto-Armeniaca*, Ереван, 1931, с. 104. То же самое, обосновывая лингвистическим анализом, утверждает и Ов. Карагезян (см. его *Урартские топонимы Восточной Армении*, ВОН, 1978, N 10, с. 56-57, на арм. яз.), его же, *Армянское нагорье в клинописных источниках*, с. 41, 272.

² Г. А. Меликишвили, *Урартские клинописные надписи*, Москва, 1960, с. 310, N 161.

³ Хоренаци, с. 95-96.

⁴ С. Г. Бархударян, *Княжества Арцаха, Шаки и Парисоса в IX-X вв.*, ИФЖ, 1971, N 1, с. 66 (на арм. яз.). *Свод армянских надписей*, составил С. Г. Бархударян, вып. V, Ереван, 1982, с. 135 (на арм. яз.).

⁵ Себеос, с. 80.

⁶ Каланкатуаци, с. 151.

⁷ В последние годы научной экспедицией Института Археологии и Этнографии НАН РА во главе с доктором исторических наук Г. Петросяном, на территории поселения регулярно ведутся раскопки, которые год за годом выявляют все новые и новые вещественные доказательства о его, следовательно и всего региона, принадлежности к составной части Великой Армении.

Шакашене как области, граничащей с Албанией по реке Куре¹, и об Арцахе, упоминающемся под названием “Орхистене”², как провинции Армении³. Страбон, как известно, жил и творил в I до н. э. – I в. н. э. и определение им политического статуса Арцах и Утика относится к этому времени. Об армянской области Утик и утицах, как проживающих в Армении племенах, говорит также историк второй половины II в. Асиний Квадрат и, с ссылкой на него, Стефан Византийский (IV в.): “Отины (т. е. утицы, живут – Г. С.) в Армении”, - говорит Квадрат и разъясняет: “Вокруг реки Кира живут Оварены и Отины, составляющие значительную часть Армении”⁴. “Отина – область Армении”, - подтверждает Стефан Византийский⁵. Вот так, ясно и четко зафиксировано античными авторами не только то, что Утик, следовательно и Арцах, является армянской областью, но и то, что утицы составляли значительную часть населения Армении.

В последующие века, в царствование Аршакидов, упомянутые области находились в составе Армении. Это следует из свидетельства Агатангелоса о том, что подосланный сасанидским царем Арташиром с целью покушения на жизнь армянского царя Хосрова Великого (216-256 гг.) Анак Партев прибыл в Утик, в город Халхал, зимнюю резиденцию армянских царей⁶, где отдыхал Хосров Великий. Поскольку Утик с городом Халхал находился в пределах армянского царства, то, стало быть и в III в. области Арцах и Утик являлись частью Армении.

Согласно армянским источникам, Арцах и Утик в составе Великой Армении находились и в IV в. Это политическое положение двух областей определяется прежде всего тем, что Григорий Просветитель, по сведениям Фавстоса Бузанда и Ухтанеса, основывая церкви в Великой Армении, сооружает их как в Арцахе, в селе Амарас Абандского гавара⁷, так и в Утике, в гаваре Гардман⁸.

По свидетельству Агатангелоса, при армянских царях Аршакуни Арцах, который выступал под названием “Княжество Цавдеев” и Утик были одними из знаменитых княжеств, принимавших активное участие во внутренних и внешних сношениях Армении. Так, когда возникла необходимость послать Григория Просветителя в Кесарию для рукоположения в качестве католикоса Армении,

¹ Страбон, XI, XIV, 4.

² С. Т. Еремян, Атлас к книге “История армянского народа”.

³ Страбон, XI, XIV, 4.

⁴ Известия древних писателей, т. I, вып. I, с. 271.

⁵ Там же, с. 270.

⁶ Агатангелос, с. 30.

⁷ Бузанд, с. 14.

⁸ Ухтанес, История, с. 100 (на древнеарм. яз.).

армянский царь Трдат III (298-330 гг.) включил в свою свиту избранных наместников и правителей дома Торгома (Великой Армении), выставивших тысячу и десять тысяч всадников, среди которых были и князья Утика и Арцах. “Тогда царь (Трдат – Г. С.), - пишет Агатангелос, - срочно и благочестиво, проявлял заботу с большой радостью, собрал главных нахараров и наместников страны... одиннадцатый князь Сюника, двенадцатый – князь страны Цавдеев, тринадцатый – князь Утика”¹. В числе других та же роль предназначалась и князю Гардманского гавара Утика, который на сей раз сопровождал Шаһака в Кесарию для рукоположения как католикоса Армении². Наряду с другими княжествами, Утику и Арцаху была доверена также охрана северных ворот Армении от угрозы постоянных набегов кочевых племен с Кавказских гор. Эта их роль специально отмечена в “Зоранамаке” (“Воинской грамоте”), показывающем военную мощь “армянских нахараров и азатов” с обозначением также количества войск, поставлявшегося княжествами. Согласно этому документу Утии́ское и Цавдеи́ское выставляли по тысяче воинов³. Они перечисляются и в “Разрядной грамоте” (“Гаһнамаке”), показывающей место или ранг (престол, сан) армянских нахарарских домов. Здесь Арцах выступает под названием “Второй Сюник” и занимает 28-е место среди 70-ти армянских нахарарских домов, а Утик, которого представляет князь Гардмана – 23 место⁴.

В армянской историографии Арцах был известен также под названием “Покр (Малый) Сюник”, которое кстати, сохранилось и в наименовании арцахского гавара “Сисакан-и-Котак”. (“Сисакан”, т. е. “Сюник” и “Котак” – “Покр-Малый”, что дословно означало “Малый Сюник”).

В качестве армянской области Арцах, под названием “Покр Сюник”, выступает, в частности, в сообщении Мовсеса Хоренаци. Рассказывая об убийстве юного “католикоса” Григораса на Ватнеанском поле, историк пишет, что “его дьяконы подняли тело и перенесли в Малый Сюник и похоронили в аване “Амарас”⁵.

Согласно данным источников, Арцах и Утик находились в составе Великой Армении и в V в. Историк Корюн, рассказывая о просветительской деятельности Месропа Маштоца, сообщает, что во время распространения им письменности в

¹ Агатангелос, с. 446.

² Бузанд, с. 38.

³ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 251.

⁴ Там же, с. 249-250.

⁵ Хоренаци, с. 149.

разных краях Армении, Маштоц самую деятельную поддержку получил у Хурса, князя Гардмана¹. Не будь Утик армянской областью, Маштоц не распространял бы там армянскую письменность и Хурс не поддерживал бы его.

Отметим, что в армянской историографии имеется также свидетельство, в котором Утик и Алуанк упоминаются как отдельные друг от друга страны. Это рассказ Каланкатуаци о просветительской деятельности Месропа Маштоца в разных гаварах восточной части Армении, в том числе в Утике, в закуринских областях и в Албании. Историк пишет: (“Месроп Маштоц – Г. С.) возобновил и укрепил веру христианскую, распространив проповедование Евангелия в гаваре *Ути, в Алуанке, в Лпинке, в Каспи, до ворот Чора*”². Подобные сведения имеются также об Арцахе. Егише, рассказывая о раскольнической деятельности Васака Сюнеци в преддверии армянской освободительной войны в 450-451 гг., пишет, что Васак свою преступную деятельность распространил на все края “страны, где было [много] крепостей, в Тморике и Кордике, в Арцахе, в Албании, в Иверии и в стране Халтике”³. Упоминания областей Арцаха и Утика в приведенных цитатах подтверждают сказанное о том, что они были только армянскими областями, а их отдельное упоминание от Алуанка - того Алуанка, в состав которого, согласно азербайджанским историкам, входили эти области, красноречивое доказательство тому, что они и Алуанк являются совершенно разными, ничем не связанными друг с другом странами.

Таким образом, все приведенные данные армянских и античных авторов однозначно свидетельствуют, что до середины V в. Арцах и Утик оставались одними из древнейших областей Великой Армении. Мнение же тех авторов, которые игнорируя данные античных и армянских письменных памятников, объявляют, что эти области были алуанскими и находились в I-IV вв. под властью Алуанских Аршакидов⁴, является ничем иным, как фальсификацией и сознательным искажением исторической правды.

С середины V в. административное положение Арцаха и Утика меняется.

¹ Корюн, с. 148.

² Каланкатуаци, с. 60 (курсив наш – Г. С.).

³ Егише, с. 91.

⁴ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 100-105.

Утик и Арцах были заселены с древнейших времен. Свидетельством этого являются обнаруженные в пещере Ворван села Азох¹ (hАдрутский район Нагорно-Карабахской Республики, исторический гавар Арцаха Мюс hАбанд), следы палеолитического человека: орудия труда, отходы производства, кости животных, а также хорошо сохранившаяся челюсть раннего неандертальца².

Население Арцаха и Утика, пройдя все этапы развития человека, в конце концов приобрело форму определенного антропологического типа – “арменоид”. Это делает бесспорным тот факт, что основную массу аборигенов Утика и Арцаха составляли представители арменоидного типа – армяне.

Касаясь вопроса о населении Утика и Арцаха, Ф. Мамедова упоминает только гаргаров, утиев, гуннов, хазар, базилиев и цавдеев³, и сознательно умалчивает об аборигенах края – армянах, считая, видимо, что тем самым лишает край своего коренного армянского населения. Между тем, сведения греко-римских и армянских историков и географов свидетельствуют о том, что издревле Утик и Арцах были населены армянами. Еще Страбон писал, что все народности, живущие в Армении, а значит и население исследуемого края, во времена армянского царя Арташеса I (189-160 гг. до н. э.) говорят на одном, т. е. на армянском языке⁴. Свидетельства же Мовсеса Хоренаци об основании армянского нахарарства во главе с Арраном по принципу “вдоль границ армянской речи”⁵, также не оставляет сомнений в том, что их население говорило только на армянском языке, так как находилось в пределах “армянской речи”. Как показали грамматики раннего средневековья, они говорили на том диалекте армянского языка, который назывался “арцахским” (современный карабахский диалект). Из числа этих грамматиков Степанос Сюнеци, советуя для приобретения навыков в армянском языке хорошо изучить его диалекты, пишет: “И для знания языка твоего требуется знакомство со всеми говорами периферии, такими как [говоры]

¹ М. Бархутарянц, Арцах, с. 88. Палеологический памятник пещеры Ворван известен в научной литературе под названием “Азох”. “Азох” чисто армянское *թեթիսն է ին անձնականությունը* языке (грабаре) означал “неспелый виноград” (см. Р. Ачарян, Этимологический коренный словарь армянского языка, т. 1, Ереван, 1971, с. 87, на арм. яз.). Стремясь лишить это слово армянской этимологии, некоторые азербайджанские историки (М. Гусейнов, Древний палеолит Азербайджана, Баку, 1985, с. 22-32) исказили его в ничего не означающую форму “азых”. Последствия такого подхода не замедлили сказаться. В союзных изданиях этот памятник именуется “Азых (Азербайджан)” (см. Большая Советская энциклопедия, т. 1, М., 1969, с. 724; В. А. Ранов, Древнейшие страницы истории человечества, М., 1988, с. 95, 152-153).

² М. Гусейнов, Древний палеолит Азербайджана, с. 22-32.

³ Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 101, 104.

⁴ Страбон, XI, XIV, 5.

⁵ Хоренаци, с. 63.

Корчаика и Таика, и Хута, и Армении Четвертой, и Спера, и Сюника, и Арцаха”¹. Позднее другой армянский грамматик, рабунапет Гладзорского университета Есаиу Нчеци особо подчеркивал, что перечисленные Степаносом Сюнеци диалекты относятся к армянскому языку: “Языку не других народов, а собственного народа”².

Исходя из названия “Арран”, арабские авторы этот диалект армянского языка называют “арранским”³.

В соответствии с лингвистическим анализом арцахский диалект имел широкое географическое распространение. На нем говорили не только во всей восточной Армении, но и за ее пределами⁴.

Таким образом, очевидно, что местное население арцаха и утика составляли армяне, и мнение о том, что оно арменизировалось лишь после X века⁵, века⁵, является лишь одним из звеньев фальсификации истории Арцаха и Утика. Чтобы показать тенденциозность этой необоснованной точки зрения, помимо приведенных свидетельств, достаточно упомянуть также сообщения Корюна, Хоренаци и, в особенности, Каланкатуаца о деятельности Месропа Маштоца по основанию в восточных краях Армении школ для распространения армянской письменности и вообще проведения культурно-просветительской работы⁶, которая могла быть осуществлена лишь при наличии населения, говорящего на армянском языке.

Таким образом, все приведенные сведения античных и армянских историков и географов позволяют вполне обоснованно утверждать, что Утик и Арцах, составляющие территорию правобережья Куры, были армянскими областями и имели армянское население, которое активно участвовало во внутренней, внешней и культурной жизни Армении. Будучи таковыми и находясь вне границ Алуанка⁷, они никак не могли иметь иную, кроме как армянскую принадлежность.

¹ Н. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, II г., 1915, с. 187.

² Есаиу Нчеци, Анализ грамматики. Текст подготовил и снабдил предисловием Л. Г. Хачерян, Ереван, 1966, с. 65.

³ СМОМЦК, вып. 29, с. 29; вып. 38, с. 12.

⁴ Б. Улубабян, Очерки истории Восточного края Армении, с. 54-107.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 105.

⁶ Корюн, с. 148, Хоренаци, с. 193-194, Каланкатуаца, с. 60-61.

⁷ Вне границ Алуанка находилась и современная область Нахичеван, которая вообще не имела никакой связи с Алуанком, однако, подвергнувшись аналогичным методам азербайджанских историков, также считается одной из областей Алуанка (Ф. Мамедова, Политическая история... Албании, с. 108-115).

Будучи неотъемлемой частью Армянского мира, население Утика и Арцаха еще в 301 году приняло христианство и продолжало принимать активное участие во внутренней и внешней политической жизни Армении, став одними из центров ее духовной культуры.

Корр. – Как развивались события в Собственно Алуанке в V и последующих веках?

Г.С. – В V веке в Закавказье господствовал Сасанидский Иран, времена тирании которого стали тяжелым и кошмарным периодом для местных народов. Князья и все знатное сословие были лишены своих прав, начались религиозные преследования, за которыми последовали требования вероотступничества, из года в год повышались налоги, а при их сборе царили произвол и насилие. Все это вызывало гнев населения, подымая его на борьбу с персидской деспотией. В 450-451 гг. борьбу с персами развернули армяне во главе с князем Варданом Мамиконяном и, несмотря на то, что восстание армян так и не завершилось достижением независимости, покоренные Персией народы вновь обрели стремление к свободе. Примеру армян вскоре последовали албанцы. Они, во главе со своим царем Ваче II, воспользовавшись тем, что после смерти Иездегерда II сыновья последнего приступили к ожесточенной схватке за обладание короной, развернули антисасанидское движение. Это движение во времена правления арийского царя Пероза (459-484 гг.) приняло характер вооруженной борьбы, которая в течение двух лет (460-461 гг.) постоянно держала в состоянии тревоги иранскую мировую державу. Как результат, Сасаниды, чтобы сохранить и укрепить свое господство над Великой Арменией, Алуанком и Иберией (Грузией), прибегали к различным методам, один из которых предполагал упразднение царской власти на местах и создание там марзпанской системы администрирования во главе с марзпанами (правителями). Сасаниды применяли свой принцип

формирования марзпанств. Согласно свидетельству ассирийского летописца VI века Ашиха Зеха, «Вместо того, чтобы поочередно покорять всех царей Востока, (персы – Г.С.) назначали здесь подчиненных им правителей и марзпанов»¹. На примере Иберии (Грузии) аналогичное свидетельство приводит византийский летописец Прокопий Кесарийский (VI век): «В то время как знать варваров (иберийцев- Г.С.) решила с царем Гургеном поднять восстание...персы не позволили им назначить себе царя»² Персидские политики не случайно взяли на вооружение принцип предварительного упразднения царской власти. Наличие царей и царской власти в любой стране пробуждало в народах стремление к независимости и самостоятельности, лишая стабильности чужеземное господство. Сасаниды оставались верными своему принципу, и после подавления в 461 году восстания в Алуанке, отлучили царя Ваче II от престола, превратив страну в возглавляемое персидским наместником марзпанство, будучи не уверенными в том, что в будущем волнения более не повторятся, Но Сасаниды не ограничивались лишь этим. Ослабление Армении являлось одной из задач персов³ и для реализации этой цели они отторгли от нее Арцах и Утик и принадлежащие последним, соответственно, двенадцать и

¹ Աշիխա Զեխա, Ադիաբենի եկեղեցու պատմություն, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 8: Ասորական աղբյուրներ, Ա, թարգմ. բնագրից, առաջաբանը և ծանոթ. Հ. Գ. Մելքոնյանի, Երևան, 1976, էջ 84:

(Ашиха Зеха, История церкви Адиабена, Иностраные источники об Армении и армянах 8. Ассирийские источники. А. перевод с оригинала, предисловие и комментарии **Мелконяна О.Г.**, Ереван, 1976, с. 84)

² Պրոկոպիոս Կեսարացի, Պատերազմների մասին, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 5: Բյուզանդական աղբյուրներ, Ա, թարգմ. բնագր. առաջաբան և ծանոթ. Հրաչ Բարթիկյանի, Երևան, 1967, էջ 154: (Прокопий Кесарийский, Войны, Иностраные источники об Армении и армянах 5. Византийские источники. А. перевод с оригинала, предисловие и комментарии Бартикяна Г., 1967, с. 154)

³ Հայաստանը թուլացնելու նպատակներով Սասանյանները նրանից անջատում են նաև Փայտակարանն ու Գուգարքը և բնակցում, համապատասխանաբար, Ասորպատականին և Իբերիային (Աշխարհացոյց, էջ 33): (С целью ослабления Армении Сасаниды отделяют от нее также Пайтакаран и Гугарк, принудительно присоединив их, соответственно, к Атропатене и Иберии (География с. 33).

восемь провинций, принудительно введя их в состав новосозданного Алуанского марзпанства. О том, что эти области были «отняты» (отторжены, конфискованы) у Армении и присоединены к только что сформированной административно-политической единице, свидетельствовал также автор «Ашхарацуйца». Предварительно отметив, что Арцах и Утик являлись 10-ой и 12-ой областями Армении и поименно перечислив их провинции, армянский географ подчеркнул, что названные области «ныне в Алуанке и отняты у Армении» а затем выразился еще проще и лаконичней - «ныне в Алуанке»¹.

Продолжая линию, направленную на дальнейшее упрочение своего господства в Закавказье, Сасаниды, в лице Кавада I (488-531 гг.) и его сына Хосрова Ануширвана (531-578 гг.), продолжают политику дальнейших завоеваний по линии западного побережья Каспийского моря и подчиняют себе Хсрван, Ширван, Гекац (Лекац), Чогац, Таваспарац и другие провинции, вплоть до Дербента, параллельно сооружая на пути своего следования на север крепостные сооружения. Завоеванные страны Сасаниды вводили в состав Алуанского марзпанства, доведя границу последнего на севере до Дербента.

Получившее завершающий и окончательный облик Алуанское марзпанство включало в себя «Собственно Алуанк», отторгнутые от Армении области Арцах и Утик, а также расположенные на западном побережье Каспийского моря вышеназванные провинции. Сохранив те же границы на западе и востоке, страна Алуанк, вследствие территориальных «добавок» или прирезок, расширяет свои границы на севере до Дербента, а на юге – до сегмента реки Аракс, входившего в состав области Арцах. Столицей страны

¹ Աշխարհացոյց, էջ 33. (География с. 33).

стал город Партав (Барда), который был для этих целей перестроен царем Перозом и переименован в Перозкавад¹. Впоследствии этот город стал резиденцией Алуанских марзпанов.

После формирования новой административной единицы, все ее составные территории, в том числе Утик и Арцах, получают название наиболее крупной территориальной компоненты – Собственно Алуанка. Соответственно, меняется также содержание термина «Собственно Алуанк» и ныне в это понятие входила лишь одна из территориальных единиц, образующих состав марзпанства. Одновременно, Утик и Арцах теряют собственные топонимы и впервые в своей истории «приобретают» наименование «Алуанк» как составные области одноименного марзпанства. Однако, хотели бы в то же время добавить, что данные армянские области с армянским населением исторически были лишены какой-либо органической связи с Алуанком, получив лишь наименование искусственно сформированного территориального целого. Они скорее оставались независимыми и самостоятельными образованиями, нежели областями централизованной административной единицы. Топоним «Алуанк» так и остался для них лишь географическим понятием.

Корр.. Что из себя представляют географические понятия «Армянский Алуанк» или «Алуанский Аик (Армения)» и при каких обстоятельствах они вошли в употребление?

Г.С. – В начале VI века на исторической арене появились хазары, которые вместе с родственными им гуннами и другими северными племенами представляли своими военными походами большую угрозу для Саснидского Ирана и Византийской империи, Чтобы противостоять им и

¹ Մաղանկաճառ, էջ 42: (Каганкатвацц с. 42)

защитить от них свои северные границы, арийские цари провели целый ряд мероприятий, направленных на защиту своих завоеваний, одним из которых являлось возведение укреплений на обширном открытом пространстве между Каспийским морем и Кавказскими горами. Первым укреплением, возведенным на этом уязвимом участке, явилось крепостное сооружение Апзур-Кавад, которое было построено при царе Каваде. Дело отца по укреплению границ империи продолжил сын Кавада-Ануширван. В ряду реализованных им строительных работ, особое место занимают дивные Дербентские (Баб-уль-Альвар) крепостные стены. Для реализации этих грандиозных строительных работ, «хосровы» (как называли их арабы) набирали необходимую им рабочую силу и материальные средства из покоренных ими стран. Вводится в обращение новая система налогообложения. Трудовая повинность становится одним из важнейших налоговых обязательств. В массовом масштабе на работы сгонялись люди, абсолютно разные по национальной принадлежности и образу жизни. Соответственно, все более углублялись противоречия в этнически пестрой картине края. Кроме того, для сохранения возведенных крепостных сооружений арийские цари возводили здесь же военные городки, заселяя в них воинов с их семьями. По свидетельству источников, в этом вопросе предпочтение отдавалось войсковым соединениям, набранным из сийясиджинов (сюникцев). Чтобы обеспечить необходимыми средствами реализацию всех этих целей, Хосров Ануширван избирал среди князей и предводителей племен доверенных лиц, которых наделял, в частности, шахскими титулами, территориями и разнообразными привилегиями, но, в то же время, поручал местным властителям, без какого-либо вмешательства в их дела, обеспечивать собственными средствами безопасность вверенных им владений и всячески способствовать, по всей видимости, проводимым здесь строительным

работам. «Избранниками Хосрова Аниширвана стали Табасараншах, Гиланшах, Ваграрганшах, царь аль-Лакзера, горный (аварский) хакан и другие»¹. Но подобная политика Хосрова I приводила к тому, что Алуанское марзпанство постепенно и неизбежно дифференцировалось на отдельные мелкие административные единицы, возглавляемые князьями и племенными вождями. Набирая силу и будучи самовластными, они, в результате, начинали выступать в качестве самостоятельных вождей или князей тех или иных племен. На территории марзпанства Алуанк возникают новые административные единицы, носящие названия Табарсаран, Ширван, Гилян, Лакз и прочие наименованиями, правители которых считали далее излишним для использования общего названия «Алуанк» как для собственных территорий, так и для всего Алуанского марзпанства. Однако, топоним, став сам по себе излишним, не исчез. Приобретая новый смысл и содержание, но значительно потеряв в территориальном контексте, он закрепляется за армянскими областями Утик и Арцах, которые приобрели это название со времен образования марзпанства как его составные части. И это не случайно. Экономически и политически Утик и Арцах были более развиты и организованы, имели состоящий из армян этнически однородный состав, развитую культуру, созданные на основе армянского алфавита и вызывающую порой зависть соседей письменность и литературу, которые просто исключали возможность осуществления здесь политических, административных и этнических преобразований, имевших место на находящихся к северу от реки Кура территориях Алуанского марзпанства. Южная граница этого нового Алуанка ограничивалась на севере рекой Кура,

¹ Сведения арабских географов IX-X вв. по Р. Христа о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 38, с. 41, Баладзори, с. 7.

на севере-западе – крепостью Хнаракерт, на юго-востоке – рекой Аракс, а на западе – Арцахским, Севанским и Мургузским (Миапорским) хребтами. Те же границы указывал Мовсес Хоренаци: «(Царь Армении Вагаршак - Г. С.) утверждает наместничество ... вдоль большой реки по названию Кур... от реки Ерасх до крепости называемой Хнаракерт»¹:

Нетрудно заметить, что «Алуанк» М. Хоренаци включал в себя заселенные армянами окраинные армянские области Утик и Арцах, , и отчетливо разнился от известного античным авторам Собственно Алуанка, где обретались 26 разноименных племен и для которого южной границей являлась река Кура. Однако, со времен М. Хоренаци топоним «Алуанк» в сочинениях армянских летописцев использовался, преимущественно, в более позднем значении и, получив новое содержание, подразумевал объединенную территорию древних армянских областей Утик и Арцах . Исходя из этой аксиоматической действительности, один из членов конгрегации мхитаристов отец Микаэл Чамчянц вводит понятие «Армянский Алуанк»² , который был принят исследователями и используется по сей день. Независимо от М. Чамчянца, после проведения собственных исследований, Ст. Канаянц называет ту же самую территорию «Алуанским Айком (Арменией)»³. В дальнейшем, синонимами вышеуказанных терминов, охватывающих территории Арцаха и Утика, становятся следующие понятия: «Восточный край Армении», «Северо-

¹ М. Хоренаци, стр. 63-64.

² Պատմութիւն Հայոց ի սկզբանէ աշխարհի մինչև ցամ տեան 1784 թ., յօրինեալ ի հայր Միքայէլ վարդապետէ Չամչեանց, հ. Գ, Երևան, 1984, էջ 131 (նոր էջակալումով): «История Армении с начала мироздания до года Господня 1784» сочинение архимандрита Микаела Чамчяна, т. 3, Ереван, 1984, с. 131):

³ Ստ. Կանայեանց: Անհայտ գավառներ հին Հայաստանի, Վաղարշապատ, 1914, էջ 146-147: (Տ. Կանայեանց. Неизвестные провинции древней Армении, Вагаршапат, 1914, с. 146-147)

Восточный край», «Восточный край», «Глубинный мир Армянский» или «Глубинная Армения».

Хотели бы также добавить, что территорию, охватывающую интересующие нас области, арабские источники называли «Арран»:

Получив новое название, Утик и Арцах, тем не менее, оставались армянскими областями, активно участвуя в хозяйственной, политической и культурной жизни Армении.

Корр. – Известно, что в Азербайджане публикуются работы по истории Алуанка армянофобского характера, полные фальсификаций и антиисторичных положений. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

Ист. - История Алуанка во всех ее аспектах привлекала внимание азербайджанских историков. После установления советской власти в Азербайджане, они приступили к созданию истории Албании и, тем самым, история интересующей нас страны стала предметом изучения азербайджанских ученых. Однако, отнюдь не честные побуждения, направленные на объективное изучение прошлого своей страны, сподвигли историков Азербайджана на подобные исследования. Прежде всего, они имели своей целью неоправданное «удревнение» азербайджанской истории, искусственное расширение занимаемой Алуанком территории и приведения последней в соответствие с границами современного Азербайджана, присвоение армянских областей Утик и Арцах, с конструированием в отношении названных областей «удобной» для местных фальсификаторов истории, Ясно, что разрешение подобной проблемы не могло не сопровождаться подтасовкой фактов, произвольными интерпретациями, прямым отрицанием данных в первоисточниках сведений, «неприемлемых» для азербайджанских историков, и прочими далекими от науки методами.

Разнохарактерных проблем истории Алуанка касался З. Ямпольский. В его трудах, прежде всего, бросается в глаза тенденциозность и предвзятость в освещении затрагиваемых им вопросов. Стремясь любой ценой согласовать границы исторического Алуанка с территорией Азербайджана, он, искажая факты, искусственно расширяет их, доводя до Аракса и даже до районов южнее этой реки, пытаясь доказать, что такие границы существовали во все периоды истории Алуанка. Он считает Аракс границей между Алуанком и Атропатеной¹, которая, однако, по его мнению, не мешала этнической общности этих двух стран, поскольку «население различных областей Азербайджана было одноименным»² и говорило «на однотипных или даже на одинаковых языках»³, являясь предком населения Азербайджана⁴.

Кроме вопросов политической истории Алуанка, в круг псевдонаучных интересов З. Ямпольского входили также алуанская письменность и литература, вопросы личности автора или авторов «Истории страны Алуанк», языка этого сочинения и т. д. Ему принадлежит одна из первых попыток назвать Мовсеса Каланкатуаци «алуаном» или «Утиицем». Он считает «Историю страны Алуанк» образцом алуанской литературы и совершенно беспочвенно объявляет ее написанной первоначально на гаргарейском языке, а затем переведенной на грабар, высказывая при этом такую нелепую мысль, что, якобы, армянские церковные деятели из политических соображений внесли в нее многочисленные изменения, сокращения и добавления⁵. Эта идея и многие другие подобные суждения являются сознательным искажением исторической истины, служащим определенной цели. Без каких-либо оснований названия «утиицы» и «Утик» он считает самоназваниями «албанцев» и «Албании», отмечая, что «утии» и «Ути» тождественны, соответственно, «албанцам» и «Албании»⁶. Однако, этому неаргументированному заявлению противостоят сведения армянских историков, в которых упомянутые термины часто выступают рядом и в отдельности,

¹ З. И. Ямпольский, К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании, Труды Института истории и философии, Баку, 1954, т. IV, с. 101.

² Там же, с. 105; См. также Материалы о происхождении Азербайджанского народа, Известия АН АзССР, 1956, N 1, с. 93-101.

³ З. Ямпольский, Древние авторы о языке населения Азербайджана, Известия АН АзССР, 1955, N 8, с. 61.

⁴ З. Ямпольский, Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана, Сб. Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962, с. 41.

⁵ З. Ямпольский, К изучению летописи Кавказской Албании, с. 149-161.

⁶ Там же, с. 154.

отчетливо демонстрируя, что термины “Албания – алуанцы” и “Ути – утиицы” совершенно разные понятия.

Таким образом, труды З. Ямпольского содержат сознательное искажение истории Алуанка в угоду национальному чванству определенных лиц, в ущерб научной истине.

Порочную тенденцию безосновательного удревнения истории Азербайджана подхватил, развил и, ни с чем не считаясь, буквально раздул З. Буниятов, касаясь всех без исключения вопросов разных периодов истории. Последовательно развивая своими псевдонаучными исследованиями антиармянскую тенденцию, лжеученый не только сеет межнациональную вражду между двумя народами, но и искажает науку, от имени которой выступает. В 1965 г. он издал исследование¹, в самом начале которого он хоть и обещает “дать общий очерк истории областей, составивших позднее территорию Азербайджана”², но на самом деле исследует их не в историческом разрезе, а изначально рассматривает их как составные части своей страны. Иначе отмеченные им же Ширван, Кабалу и другие области он изучил бы как области Алуанка, а Арцах, Утик и Гардман – в качестве областей Армении, не касаясь при этом области Сюник, никогда не входившей в состав Азербайджана. Однако он не только рассматривает Сюник как одну из областей Алуанка, но и высказывает абсурдную мысль о том, что, якобы, Сюник с 577 г. находился в составе Аррана (читай Алуанка, а если Алуанка, то согласно З. Буниятову, непременно Азербайджана) и только с 1921 г. перешел к Армении³. Это является грубейшей фальсификацией, так как Сюник, за исключением небольшого отрезка времени, охватывающего VI в., всегда находился в составе Армении. И даже в течение вышеуказанного VI века Сюник лишь обособился от Армении, а дань, выплачиваемая Сюником Сасанидскому Ирану, просто стала поступать по налоговому кадастру в Атрпатакан, не подвергаясь при этом никакому политическому влиянию с его стороны, Себеос пишет: “Ваган владетель Сюнической земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюнической земли перенес из Двина в город Паутакаран и их город внес в границы Атрпатакана”⁴. Следовательно, в действиях Вагана

¹ З. Буниятов, Азербайджан в VII-IX вв., Баку, 1965.

² Там же, с. 4.

³ З. Буниятов, Размышления по поводу книги А. Н. Тер-Гевондяна “Армения и арабский халифат”, Известия АН АзССР, 1977, N 4, с. 116.

⁴ Себеос, с. 28-29.

скорее всего проявился сепаратизм армянских княжеств феодальной эпохи. Следовательно, исторически неверно считать, что Сюник когда-либо входил в состав Азербайджана.

В обзоре источников своего труда З. Буниятов упоминает девять армянских историков, чьи труды считает армяноязычными¹, т. е. отрицает армянское происхождение их авторов, имея в виду, в первую очередь, Мовсеса Каланкатуаци, Давтака Кертога, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци. Это несуразное “новшество” он мотивирует тем, что “только отсутствие в Азербайджане исследователей христианского периода истории Аран (Албанию) дало возможность считать эту литературу армянской, хотя для этого никаких оснований, кроме языка, нет”².

Достоинно внимания то, что это заявление З. Буниятова перекликается с мнением, высказанным до него турецким историком Ф. Кырзыюглу, который неразработанность этого периода турецкой истории также объясняет отсутствием соответствующих специалистов. “Вследствие того, что мы не имели собственных специалистов в области истории, эти книги (изданные в Петербурге армянскими и русскими историками-востоковедами – Г.С.) внушали нам страх и вынуждали отступить”³.

З. Буниятов не ограничивается присвоением армянских авторов. Он считает алуанцами также и армянских князей Сахла Смбата, Есаиу Абу Мусе, Амама Аревелци и других представителей армянской знати, правившей в областях между Курой и Араксом⁴. Вслед за З. Ямпольским, З. Буниятову принадлежит “открытие”, согласно которому армяне уничтожили оригиналы алуанской литературы после их перевода на армянский язык⁵.

З. Буниятову вообще свойственно молча обходить невыгодные ему сведения авторов, приводить цитаты в отрыве от контекста, искаженно, из причинно-следственных связей предпочитать следствия, представляя их читателю обязательно в отрицательном свете. Отметим, что подобные антиисторические и антинаучные положения получили серьезный отпор со

¹ З. Буниятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 6-11 и сл.

² Там же, с. 99.

³ См. в книге М. К. Зулалян, Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии, с. 6.

⁴ З. Буниятов, Азербайджан в VII-IX вв., с. 185 и др.

⁵ Там же.

стороны армянской историко-филологической науки¹. Была показана порочная система его взглядов по отношению к истории и выявлена характерная для него “тенденциозность, исключая какую-либо положительную роль армянского народа, его культуры в исторических судьбах братских народов Закавказья”².

Под редакцией З. Ямпольского вышла в свет работа К. Алиева о географических границах Алуанка, этническом составе, экономике, торговых связях, храмовом хозяйстве и верованиях алуанцев, автор которой поставил перед собой задачу исследовать указанные вопросы периода I в. до н. э. – I в. н.э.³

Работа К. Алиева написана на основе готовых выводов. Поэтому из источников он выбирает то, что может приспособить к своей точке зрения, делает неверные комментарии, “исправляет” “ошибки” и “неточности” переводов античных авторов и строит свои выводы уже на основе “исправленных” им же текстов, представляя их как умозаключения, исходящие из анализа сведений античных авторов. Однако подобный подход к исследуемым вопросам, их натянутые и своевольные интерпретации, преувеличения и неуместная подгонка сообщений источников под свое предвзятое отношение к проблеме не имеет никакой связи с наукой.

Игнорирование такого важного поворота в истории Алуанка, каковым является упразднение царства и формирование марзпанства, ставшего причиной серьезных социально-экономических и политических изменений в истории страны, привело Т. Мамедова к ошибочным выводам, согласно которым Алуанк с древнейших времен до VIII в. включительно был самостоятельным государственным образованием, постоянно управляемым своими царями, с распростертыми до Аракса неизменными политическими границами. По его мнению, известный княжеский дом Миһранидов являлся одной из царских династий в Алуанке, а вся территория до Аракса была заселена только алуанскими племенами⁴.

Своими исследованиями в области алуановедения выделяется Ф. Мамедова. В ее работах рассматриваются вопросы истории общественной и политической

¹ **Ас. Мнацаканян**, О литературе Кавказской Албании; **Ас. Мнацаканян, П. Севак**, По поводу книги З. Буятова... **К. А. Мелик-Оганджян**, Историко-литературная концепция З. Буятова, ВАА, 1968, N 2, с. 169-190; **Его же**, Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора “Судебника”, ВАА, 1969, N 1, с. 183-198; **А. Ганалаян, Л. Хачикян, А. Тер-Гевондян**, Об очередных “размышлениях” З. М. Буятова, ВОН, 1978, N 5, с. 95-104.

² **К. Мелик-Оганджян**, Историко-литературная концепция..., с. 169.

³ **К. Алиев**, Кавказская Албания (I в. до н. э. – I в. н.э.), Баку, 1974.

⁴ **Т. М. Мамедов**, Албания и Атропатена по древне-армянским источникам (IV-VII вв.), Баку, 1977; **Его же**, Кавказская Албания в IV-VII вв. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук), Баку, 1965.

жизни Алуанка древнего и раннесредневекового периодов, исторической географии, этнического состава, идеологии и культуры, языка и личности автора или авторов “Истории страны Алуанк” и алуанской литературы. В этих работах, к числу которых недавно добавилась еще одна¹, Ф. Мамедова приписывает себе честь первооткрывателя по многим вопросам, давно уже выясненным армянскими учеными, развивает и приукрашивает ложные и ошибочные мнения, выдвинутые азербайджанскими исследователями, при этом неустанно восславляя наиболее ярых фальсификаторов типа З. Буниятова и др. Это особенно четко проявилось в последней работе Ф. Мамедовой², которую она представляет как исследование политической истории и исторической географии “исторического”³ Азербайджана. В этот виртуальный Азербайджан она включает области Арцах, Утик, Паїтакаран, Сюник и, естественно, Алуанк, населенный в древности этнически исчезнувшими за много веков до формирования азербайджанского народа албанцами - мнимыми предками азербайджанцев⁴, измышляя для утверждения этих антиисторических концепций ряд ложных и несостоятельных положений.

Не смирившись с мыслью, что алуанцы, ассимилировавшись с персами, арабами и другими мусульманскими племенами, стали, начиная с VIII века, постепенно сходить с исторической сцены, и всячески желая опровергнуть факт их исчезновения, Ф. Мамедова объявила армянское население восточных районов Армении их потомками, назвав последних вымышленным искусственным термином «поздние албанцы», и со спокойной совестью приступила к изложению происходящих здесь исторических событий, интерпретируя их как историю Алуанка IX-XIX веков. По ее самодовольному мнению, таким образом она смогла, якобы, найти объединяющий модус, который связал воедино период с VIII по XIX вв., заполнить **возникший**

¹ Ф. Мамедова, Кавказская Албания и албаны, Баку, 2005. Книга охватывает длительный период времени – с III в. до н. э. – по XIX в. н. э. и посвящена политико-социальноэкономической истории с III в. до н. э. – по VIII в. н. э., представляя собой совокупное изложение прежних работ автора и другим аспектам истории IX-XIX вв., по выражению автора, “поздних албанов”, под этим термином подразумевая всех подряд жителей Утик-Арцаха. В целом она является дополненной и более углубленной фальсификаторской работой, которыми вообще отличаются сочинения Ф. Мамедовой.

² Там же, с. 5.

³ Термин впервые используется по отношению к Азербайджану. Он вымышлен, чтобы создать представление, равносильное понятию “историческая Армения”.

⁴ Ф. Мамедова, Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.), Баку, 1986.

«пробел и восстановить историю позднесредневекового Алупанка, исторического Азербайджана¹ и албанцев до 1836г»². Не удовлетворившись «достигнутым», она идет дальше, неожиданно прокламируя, помимо всего прочего, роль «поздних албанцев» в истории Киликийского царства, а затем, скромно умолчав об армянских корнях названного царства, с легкостью превратила Ламбронского князя Ошина Хетумяна в одного из них.

К изложенным в книге выводам автор приходит не на основе научного и всестороннего анализа сведений источников, а на основе предвзятого подхода, для чего она не брезгает приписками, фальсификацией фактов, их подтасовкой, отрицанием исторически достоверных сведений, игнорированием наиболее значимых из них.

Предварительно обезопасив себя заявлениями о том, что сообщения античных и армянских авторов противоречивы и, как таковые, исторически неверны, Ф. Мамедова в дальнейшем уже однозначно объявляет результатом противоречий невыгодные ей сведения источников и строит свои концепции на основе собственных перекоек.

Будучи одержима страстью отрицать подлинность сведений античных и армянских авторов об Алуанке и алуанцах, Ф. Мамедова вовсе не беспокоится об отсутствии научной серьезности. Со спокойной совестью она, с одной стороны, может заявить, что Нахичеван не может быть армянской областью, поскольку у Бузанда нет даже намека на это³, а с другой - объявить “совершенно не соответствующими реальной истории Армении”⁴ прямые сведения других армянских источников, в частности, “Ашхарацуица” о Нахичеване как одной из областей и городов Армении. Сведения же Корюна о просветительской деятельности Месропа Маштоца по всей Армении, в том числе и в Гохтне, вовсе не означают, по ее мнению, что последний являлся также армянской областью⁵ и т. д. Подобные примеры, свидетельствующие об исследовательской недобросовестности и несостоятельности автора, встречаются с завидным постоянством.

¹ Термин “исторический Азербайджан” так же искусственного происхождения. Он изобретен с целью создания равноценного понятию термину “Историческая Армения”, который в случае Азербайджана абсолютно не приемлем.

² Ф. Мамедова, Кавказская Албания албаны, с. 10.

³ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 112.

⁴ Там же, с. 109.

⁵ Там же, с. 113.

Руководствуясь этим методом и своим горячим желанием опровергнуть “оскорбительное” мнение об относительном отставании Алуанка от соседних стран по экономическому и политическому развитию, Ф. Мамедова сочиняет по собственным лекалам воображаемую историю Алуанка. В ее изложении Алуанк выступает как равнозначная Великой Армении и Иверии, а иногда и превосходящая их страна.

В системе фальсификаций Ф. Мамедовой исходное место занимает точка зрения о том, что до VIII в. Алуанк являлся централизованным государством с незыблемыми границами. Не считаясь с тем, что из-за установления марзпанства и возникновения на его бывшей территории ряда самостоятельных образований Алуанское государство безвозвратно было упразднено¹, она в лице Михранидских князей видит ту княжескую династию, которая в Алуанке стала, якобы, безусловным продолжателем традиций царской власти.

Особое место в системе фальсификаций Ф. Мамедовой занимает раздел, относящийся к албанской письменности и литературе. Ей не нравится называть создателем алуанского алфавита Месропа Маштоца, и с этой целью она, игнорируя известные сообщения Корюна и Хоренци о его создании², создает в некоем безвременном пространстве алуанский алфавит, а Маштоцу отводит лишь роль реставратора и преобразователя³. “Патриотические” эмоции Ф. Мамедовой становятся более бурными, когда речь заходит о литературе Алуанка. Она считает своим обязательным долгом любыми способами добыть литературу для алуанцев и, отнюдь не смущаясь от того, что таковой попросту нет, берет “образцы” этой литературы из рукописного наследия армянского народа, без малейших угрызений совести объявляя их алуанскими, а их авторов – алуанскими летописцами. Жертвами подобной инсинуации стали армянские историки, деятели армянской культуры, общественно-политические деятели Мовсес Каланкатуаци, Киракос Гандзакечи и Ванакан Вардапет, поэт Давтак Кертог, основоположники армянского письменного законодательства авторы “Судебников” Давид Алавкаорди и Мхитар Гош, а согласно последней работе, также Смбат Спарпет, hЭтум Патмич, Степаннос Орбелян (по Ф. Мамедовой – Орбели), Григор Магакия, Есаи hАсан-Джалалян, Макар Бархутарянц⁴, а их произведения, наряду с канонами Алуенского и Партавского соборов, нарекает образцами

¹ См. ниже.

² Корюн, с. 146, Хоренци, с. 194.

³ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 6-7 и сл.

⁴ Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., с. 69 и сл.

алуанской литературы, трансформировавшимся в армянские, и силой “армянской традиции” присвоенные армянами. По ее мнению этот процесс наглядно прослеживается в труде “албанского историка” XIX в. Макара Бархударянца “Арцах”. “Ярким свидетельством процесса трансформации албанского историко-культурного наследия в армянское, - пишет она, - а также частичного его уничтожения, унификации может послужить фундаментальный труд Макара Бархударянца “Арцах”.¹

Чтобы обосновать сказанное, она приводит строки проповедника Шемахинской церкви, который пишет, что в Арцахе «еще в 1858 монастыри были целы и лучезарны, как свидетельствуют современники... Но известно, что после кончины Алуанского католикосата, то есть после 1828 года, монастыри постепенно сиротели, лишаясь братьев монастырских, и, оставшись безнадзорными, большей частью порче подверглись»², добавив еще две цитаты подобного содержания³. Но каким образом эти выдержки приводят к желаемым для нее умозаключениям так и остается неясным. Между тем, М. Бархударянец, в отличие от Ф. Мамедовой и ее прозелитов, в своих произведениях со всей определенностью выступает как патриот-армянин, озабоченный судьбой армянской культуры и истории, четко, к примеру, отмечая, что «в душераздирающее состояние впадает армянский исследователь, когда видит полностью обезлюдевший Арцах, некогда заселенный бесчисленным армянским населением»⁴. Вспомним и его сочинение «Алуанская страна и ее соседи», где он пишет об Армении, что она подарила: «...(Алуанку) как букет армянскую письменность и как самый важный источник-армянскую историю»⁵. И, наконец, свою книгу «Арцах» он начинает следующими словами: «Арцах является одной из 15 областей Великой

¹ Там же.

² Մ. Բարխուդարյանց, Արցախ, էջ Ե: (Бархударянец М., Арцах, с. Ե)

³ Ф. Мамедова, Кавказская Албания албаны, с. 123.

⁴ Մ. Բարխուդարյանց, Արցախ, էջ Ը /ընդգծ. Յ.Ս./: (Бархударянец М., Арцах, с. Ը) /подчеркнуто Г.С./

⁵ Մ. Բարխուդարյանց, Աղուանից երկիր և դրա շրջը, էջ Բ /ընդգծ. Յ.Ս./: (Бархударянец М., Страна Алуанк и ее соседи, с. Բ)

Армении»¹, где не только подчеркивает армянскую принадлежность области, но и собственную принадлежность к армянам, называя Арцах своей «дорогой Родиной»². К сведению автора новоиспеченной концепции, отметим, что «армянский исследователь»³ (каковым являлся сам М. Бархударянц –Г.С.), изучающий «Арцах, некогда заселенный бесчисленным армянским населением»⁴, под чужеземцами в действительности подразумевал представителей того народа, который с первых дней своего проникновения в этот край демонстрировал варварское отношение к армянским памятникам и свой инстинкт уничтожения оставил в наследство своим потомкам, включая тех соплеменников-вандалов, которые совсем недавно превратили тысячи хачкаров армянского кладбища в Джуге в щебенку.. Следовательно, мнение Ф. Мамедовой об армянском авторе и его произведениях являются результатом ее собственного воображения и по своему типу относятся к тому очередному вымирающему жанру, который только и способна породить азербайджанская историографическая мысль. Ф. Мамедова руководствуется лишь тем принципом, что вышеназванные деятели родились и вели свою общественно-политическую деятельность в таких географических местностях, которые будучи исконно армянскими территориями, по несправедливости какое-то время находились в составе Азербайджана. Ей нет дела до того, что сочинения, на которые она претендует, написаны на древнеармянском языке. Ф. Мамедова преподносит читателю уже готовое, но совершенно несостоятельное объяснение: «В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения представлены на древнеармянском языке»⁵, не утруждая себя выявить эти «особенности», ибо ей также ясно, что вымышленные мотивировки не могут быть обоснованы. Подобным образом она относится также к канонам Алуанского и Партавского церковных соборов, выдавая их за плод общественно-политической мысли Алуанка.

Лейтмотивом работ Ф. Мамедовой являются попытки всячески умалить роль Великой Армении, что до сих пор не наблюдалось ни в одном труде

¹ Մ. Բարխուդարյանց, Արցախ, էջ 1: (Бархударянц М., Арцах, с. 1)

² См. там же с. Ц.

³ См. там же с. Ը.

⁴ См. там же.

⁵ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 5.

отечественной и зарубежной историографии, при этом конечно же искажая и историю Алуанка. По ее мнению, Алуанк не затрагивали войны, происходившие между Римом и Ираном¹, что эта страна, в отличие от Армении, которая “стала фактически провинцией”², сохранила свою самостоятельность и даже была более привилегированной³. Она скрывает такие факты истории Алуанка, как постоянное присутствие здесь оккупационных римских войск, выдвижение на царский престол Алуанка римских ставленников и другие события. Приведенные факты, свидетельствующие о римском владычестве в Алуанке, скомканы, потому что они противоречат версиям Ф. Мамедовой, согласно которым Алуанк, в отличие от Армении и Иберии, не был завоеван римлянами⁴, и что якобы “Албания была без царской власти всего навсего с 463 по 487 гг.”⁵. Она создает для Алуанка так называемую “чистую”, без каких-либо существенных проблем историю, и при этом заявляет: “Изучение албанских и армянских реалий убеждает в том, что “Великая Армения” как в политическом, так и в географическом понимании никоим образом не связана с судьбой Албании”⁶. Подходя к вопросу таким образом, она обвиняет К. В. Тревер в том, что последняя в своем посвященном истории Алуанка труде “неоправданно много внимания уделяет истории Армении”⁷. Но это неверный метод изучения истории вообще. Раздельное изучение прошлого двух соседствующих стран неизбежно приводит к неточностям и искажениям.

Целая глава работы Ф. Мамедовой посвящена истории алуанской церкви. Здесь автор всячески пытается представить ее как апостольскую, независимую от армянской церкви и первичную по отношению к последней духовную организацию.

К книге Ф. Мамедовой “Политическая история...” приложены карты, на которых, как и следовало ожидать, Алуанк представлен на громадном пространстве в искусственно расширенных пределах, чуть не включая на юго-западе все озеро Севан. Более того, на этих картах показаны даже мнимые сферы влияния Алуанка на севере в III-I вв. до н.э. (карты N 1, 2) и на юге в I-II вв. н.э. (карта N 3). При этом многие географические местности на картах

¹ Там же, с. 57.

² Там же, с. 59.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 122-123 и сл.

⁵ Там же, с. 57.

⁶ Там же, с. 56.

⁷ Там же, с. 63.

представлены не под их соответствующими эпохе историческими, армянскими наименованиями, а под более поздними, зачастую даже имевшими кратковременное применение тюркскими названиями. Так, озеро Севан, которое в древней и средневековой Армении называлось озеро Гегама или море Гехаркун, на картах обозначено как озеро Гекча, река Лопнас – Акстафачай, река Тус – Тоузчай, река Гетару – Агричай, Себодж – Карасу, Воротан – Баргушат и т. д.

Ф. Мамедова объ является себя первым автором этимологии таких социальных терминов, как “хостак”, “аваг”, “кртсер”, “спаранет”, “рамик”, “шинакан”, “алахин” и т. п. Но поступая таким образом, она фактически обирает выдающихся армянских историков Я. Манандяна, Н. Адонца, С. Еремяна, С. Акопяна, Т. Авдалбекяна и других¹, которые в свое время досконально изучили упомянутые термины и дали их обстоятельное толкование. Таким образом, Ф. Мамедова, сама являясь примером научной недобросовестности, принимает позу обиженной добродетели и позволяет себе обвинять других исследователей в плагиате.

Труды Ф. Мамедовой изобилуют множеством других антиисторических и антинаучных положений, в частности, о существовании в I в. н. э. в Алуанке династии Аршакидов, о признании Нахичевана и в целом Сюника алуанскими областями, при этом объявляя их одними из главных областей обитания алуанских племен, с лишением их своего исконного армянского населения, причисление утийцев, гардманцев, цавдейцев к алуанским племенам, о мнимом существовании отдельных сюникского и арцахского языков, о культурном наследии “1000-летнего Албанского государства, а также культурное наследие поздних албан – пяти албанских меликств и остальных албан”² и многих подобных казусов. Они многочисленны и определенная их часть уже получила достойную оценку в исторической литературе³. Что касается заключения книги Ф. Мамедовой “Политическая история...”, которое гласит, что ее книга “является попыткой

¹ Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, Труды, т. 4, Ереван, 1981, с. 187-436; Его же, Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзбанства, Там же, с. 11-12; Т. Авдалбекян, Хас, сак и баж, Арменоведческие исследования, Ереван, 1969, с. 362-413; С. Акопян, История армянского крестьянства, т. 1, Ереван, 1957, т. 2, Ереван, 1964; Его же, Царрайи-алахины-рабы и их социально-экономическое положение в средневековой Армении, ИФЖ, 1962, N 1, с. 124-138 (все на арм. яз.); Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971; С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, Известия АН Арм. ССР, 1948, N 11, с. 33-73; Его же, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, N 1, с. 12-26; Его же, Опыт периодизации истории Армении феодальной эпохи, ВИ, 1951, N 7, с. 52-73; Его же, Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., Очерки истории СССР III-IX вв., с. 303-310.

² Ф. Мамедова, Кавказская Албания..., стр. 3.

³ Б. Арутюнян, Когда отсутствует научная добросовестность, ВОИ, 1987, N 7, с. 33-56; А. А. Акопян, П. М. Мурадян, К. Н. Юзбашян, К изучению истории Кавказской Албании, ИФЖ, 1987, N 3, с. 166-189; Г. С. Свазян, Пример использования исторической науки в экспансивных целях, ВЕУ, N 2, с. 46-56. А. В. Мушегян, Псевдоалбанская литература и ее апологеты, ВОИ, 1989, N 8, с. 16-33.

всестороннего исследования вопросов по истории Албании...»¹, то его можно спокойно скорректировать как “попытку всестороннего искажения вопросов по истории Албании”, и эта корректура действительно соответствует целям и содержанию монографии.

Таким образом, труды Ф. Мамедова, если и могут удовлетворить национальное чванство автора и ее последователей, то никогда не смогут найти свое место в науке и среди ее настоящих ценителей.

Произвольно рассматривая Арцах и Утик (вместе с Сюником) в качестве областей Собственно Алуанка, Ф. Мамедова рассматривает усиление их мощи в IX веке в контексте якобы возрождения алуанского царства², отрицая, в то же время, армянское происхождение его правителей. Это касается, в первую очередь, Ераншахика или Арраншахика Арцаха-Хачена Сахла Смбатяна. Его армянское происхождение отвергал еще, как уже отмечалось, З. Бунятов. Восхваляя последнего и заявляя, что «З.М. Бунятов совершенно справедливо отрицает мнение ученых об армянском происхождении Сахла ибн Смбата»³(2), Ф. Мамедова последовательно защищает его точку зрения. Стремясь, в свою очередь, доказать этот антиисторичный тезис, она прибегает к странной и очевидной фальсификации, объявляя, что у Каланкатуаци нет данных об армянском происхождении Сахла⁴ (3). Однако, данное утверждение является неприкрытым подлогом, который не выдерживает никакой критики. Летописец представляет по этому вопросу достаточное количество сведений, а об армянском происхождении Сахла Смбатяна следует судить по их сопоставлению. Прежде всего вспомним, что Каланкатуаци представляет его как «барика (князя) Араншахика»⁵ и «царя из рода Зармихра»⁶, а до этого, упоминая об Араншахиках, он свидетельствует, что последние принадлежали

¹ Ф. Мамедова, Политическая история..., с. 240.

² Ф. Мамедова, Кавказская Албания албаны, с. 391.

³ См. там же с. 39

⁴ См. там же с. 391-392

⁵ Շաղախախախախախ, էջ 326: (Каганкатваци, с. 326)

⁶ См. там же с. 330:

к древнему армянскому роду этого края и одним из них был Зармихр Ераншахик, который был единственным Араншахиком, спасшимся от резни, устроенной Михранидами «(Михранид Храбрый Вардан- Г.С),- повествует Каланкатуаци, - затаил в своем сердце [желание] погубить древний род Айказеан – Ераншахиков,... Он [велел] отрубить головы шестидесяти мужам, оставив из них лишь одного – Зармихра Ераншахика, зятя своего.¹ Здесь ясно видно, что Зармихр был армянином и происходил из древнего армянского рода. Это означает, что армянами также были и все последующие Ераншахики-Араншахики, в том числе и Сахл Смбатьян, который был Ераншахиком «из рода Зармихра». Соответственно, будучи таковым, он, подобно своему предку, принадлежал к «древнему роду Айказеан» и мог иметь только лишь армянское происхождение. Последнее обстоятельство Каланкатуаци подтверждает и прямым сообщением. Повествуя о кумовстве между родами Михранидов и Араншахиков, когда дочь одного из Михранидов – Спрам вышла замуж за Атрнерсеха Араншахика, он отмечает, что последний был сыном «Сахла из рода Айка»². Известно, что Айк считается прародителем армян, а принадлежность к его роду однозначно свидетельствует об армянском происхождении и об этом знает Ф. Мамедова. Для беспристрастного историка всех этих приведенных выдержек было бы вполне достаточно, чтобы однозначно принять непреложный факт армянского происхождения князя. А заявление Ф. Мамедовой о том, что, якобы, Каланкатуаци не представляет сведений по этому вопросу, является чистой воды фокусничеством. Но если З. Буниятов и Ф. Мамедова не имеют понятия о содержании книги армянского историка, а это неизбежно истекает из того факта, что все их «теории» зиждятся на абсолютно противоположных предпосылках, нежели изложенные в книге сообщения, то не считаем излишним привести по интересующему нас вопросу ряд свидетельств из используемых ими же арабских источников. Все арабские авторы без исключения (Ибн-аль-Асир, аль-Динавари, Якуби,

¹ См. там же с. 172 /подчеркнуто Г.С./:

² См. там же с. 340 /подчеркнуто Г.С./:

Табари и другие, которых азербайджанские авторы вряд ли имеют основания обвинить в пристрастиях) называют Сахла армянином и армянским князем¹. Но не только Сахл был армянином. Согласно Каланкатуаци, армянами являлись также князья и народ всего «Восточного края Армении», которых, с легкой руки Ф. Мамедовой, азербайджанские историки объявили «поздними албанцами». «Проверив, мы доподлинно узнали, - пишет он, - род Михрана породнился сватовством с армянскими мужами, чтобы в результате родства этого совместно властвовать над Восточным краем Алуанком (то есть - Восточным краем Армении)². Данное сообщение очевидно свидетельствует о том, что жителями названного края были армяне со своими князьями и породнившиеся с ними пришлые Михраниды совместно вершили власть в этой части Армении. Однако Ф. Мамедова, верная своей практике отрицания очевидного, считает данное сообщение более поздней вставкой или редакторским вмешательством на том основании, что оно, якобы, противоречит содержанию и логике сочинения³ (было бы правильней сказать – ее антинаучным изысканиям), и, не мудрствуя лукаво, просто игнорирует противоречащее ее концепции свидетельство.

В ряду прочих затрагиваемых вопросов, Ф. Мамедова обращается также к вопросу Арцах-Хачена, который, по ее словам, является «алупанским княжеством-царством» и, реализуя свои смелые устремления, пытается представить его в качестве одного из Алуанских царств. Как уже отмечалось, Арцах-Хачен еще в X веке упоминался в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» в ряду тех армянских областей, с которыми империя установила дипломатические отношения и вела переписку. Письма адресатам рассылались по принципу, установленным

¹ Իբն ալ-Ասիր, էջ 142, Արաբ մատենագիրներ Թ—Ժ դարեր, էջ 218, 281, Արաբացի մատենագրեր, էջ 95: (Ибн аль-Асир, Арабские летописцы 9-10 в.в., с. 218,281, Арабские летописи, с. 95)

² Կաղանկատվացի, էջ 338: Պատմիչն այստեղ Եկատի ունի Սպրամի ու Ատրներսեհի ամուսնությունը, որով հիշյալ տոհմերը միավորվեցին, /Կաղանկատվացի, էջ 340/ (Каланкатуаци, с. 338. Летописец имеет здесь ввиду брак между Спрам и Атрнерсехом, благодаря которому вышеназванные роды объединились)

³ Ф. Мамедова, Кавказская Албания албаны, с. 391.

церемониалом - «такому то князю в такое-то место»¹ и, согласно протокола, на письмах, рядом с именами князей, указывалось также географическое местоположение их княжеств. Приведем пример: «Князю князей Великой Армении ... (Аспуракана, то есть Васпураканскому князю) ...: «Князю Коговита, Армения. Князю Тарона, Армения. Князю Мокка, Армения, Князю Авзана (Алдзника – Г.С.), Армения. Князю Сюника, Армения. Князю Вайоц-Дзора, Армения. Князю Хачена, Армения. Князьям Черным сыновьям, то есть трем князьям, называемым черными сыновьями»². Цитата показывает, что речь идет об Армении с перечислением ее отдельных областей. Это подтверждается также и тем, что перечень начинается с князя князей (армянского царя) Великой Армении, при этом принадлежность каждого княжества четко указана - «Армения». Но азербайджанский исследователь из цельного списка выделила словосочетание «Князю Хачена, Армения» и со всем усердием пыталась доказать, что в данном случае слово «Армения» представляет из себя лишь географическое понятие и не определяет административный статус Хачена.³ Прибегнув к подобному шагу, она тешила себя пустыми надеждами, что таким изощренным способом сможет создать предпосылки для формирования гипотезы о якобы невовлеченности Арцаха-Хачена в состав Армении. Но таково было лишь желание Ф. Мамедовой, которое шло вразрез с действительностью и фактами. Кроме того, в приведенном списке, помимо Багратидов и Арцрунидов, речь шла также о восьми князьях, при указании географического местоположения княжеств которых четко указывалась Армения. Это факт безоговорочно фиксирует, что все княжества были армянскими как по административной принадлежности, так и по населению. Не мог составлять исключения и Хачен, также и входящий в общий список наряду с другими областями. Соответственно, не надо обладать глубокой проницательностью, чтобы понять, что Хачен-Арцах являлся составной частью Армянского мира и как таковой должен был иметь тот же административно-политический статус, как и упоминаемые наряду с ним другие армянские регионы.

Влекая фантазиями Ф. Мамедова идет еще дальше. Лелеяемая той мыслью, что она, якобы, уже решила проблему административной принадлежности Хачена-Арцаха, Ф. Мамедова переходит затем к этническим вопросам, параллельно

¹ Չուսիւնդիւն Ծիրանիտիւն, էջ 151: (Константин Багрянородный, с. 151)

² См. там же /подчеркнуто Г.С./:

³ Ф. Мамедова, Кавказская Албания и албаны, с. 398-402.

противопоставляя алуанцев армянам, и всячески стремясь побольнее кольнуть последних. Она пишет: «Ведь албанский этнос (если не брать в расчет отдельные эмиграционные потоки и принудительные передвижения части его населения) никогда не терял, в отличие от армян, своей территории: до VIII века албанцы жили на территории всей своей страны, а с IX века по XIX век включительно в ее отдельных областях – Арцахе, Сюнике, Утике, Шаки-Камбечане, где смогли создать, возродить политические образования».¹ Если проследить за ходом мысли этого исследователя, то следует представить, что на всем пространстве от Кавказских гор до реки Аракс (пространство страны грез Ф. Мамедовой) проживали исключительно алуанцы («албанцы»), из которых, однако, после VIII века исчезли лишь автохтоны, жившие на левом берегу Куры, в то время как албанцы правого берега сохранились. Мысль оригинальна своим алогизмом. Если жители правого и левого берегов Куры принадлежали к одной этнической группе, то следуя общей логике процесса исчезновения того или иного этноса, должны были исчезнуть и албанцы правого берега, а не странным образом сохранится и, более того, даже создать условия для возрождения княжеств. Но жители правого берега Куры все-таки сохранились, и этот факт вновь подводит нас к тому выводу, что на противоположных берегах этой реки проживали различные этнические группы, а именно алуанцы (на левом) и армяне (на правом). В противоположность алуанским племенам, армяне были более организованы, находились на более высоком уровне экономического, общественного и политического развития, имели этнически однородный состав, собственный, общий для всего населения язык и созданную на основе этого языка высокую, вызывающую порой зависть соседей, духовную культуру, что в совокупности позволяло им сохранять идентичность, противостоять ассимиляции и обеспечивало им непрерывное существование на землях своих армянских предков. Соответственно, утверждение Ф. Мамедовой, что после IX века албанцы сохранились в Арцахе, Утике и Сюнике, является чистой воды волюнтаризмом и вовсе не дает ей никаких оснований заявлять, что названные области и, в частности Хачен, «вплоть до XIX века никогда в ходе истории не были частью Армении ни в этническом, ни в политическом смысле»²:

Но в соседней республике руководствуются иными критериями. Здесь не только поощряются подобные сочинения, но и получают поддержку государства, что придает особую остроту антиармянской пропаганде. Азербайджанские власти,

¹ См. там же, с. 401

² См. там же.

которые взяли на вооружение политику армянофобии, возвращая ненависти по отношению к армянскому народу и ведомые желанием присвоить чужие территории, и сегодня всячески эксплуатируют тему существования некогда в Араратской долине и прилегающих районах Ереванского и Нахичеванского ханств, также объявляя их азербайджанскими территориями с мусульманским населением и прокламируя, что именно мусульмане возвели «Иреван» (Ереван-Г.С.), который до начала XX века оставался мусульманским городом. Однако, их стремление к присвоению территорий иных народов не позволяет им принять тот факт, что вышеназванные ханства образовались на армянской земле во времена, когда Армения была под господством Сефевидского Ирана, и эти же ханства должны были исчезнуть сразу после освобождения от иранской деспотии, как собственно и произошло. То, что Ереванское и Нахичеванское ханства являлись армянскими территориями было прекрасно известно российскому императору Николаю I, который своим манифестом от 28 марта 1828г. присоединил их к России, назвав «Армянской областью» по самоназванию истинных хозяев этих земель, что вызывает сегодня гнев и возмущение Азербайджана.

Безудержные воображение азербайджанских авторов породило еще одну нелепую фантазию, согласно которой Кафедральный Собор Святого Эзмиадзина в древности являлся албанским, назывался «Уч-Килсйа или «Уч-Миадзин» и лишь впоследствии армяне, объявив собор армянским и исказив его название, нарекли монастырский комплекс «Эчмиадзин». Автором этой и других подобных нелепиц является руководитель администрации президента Азербайджанской Республики, академик НАН Рамиз Мехтиев Энвер-оглы и презентовал он их читателю в изданном совсем недавно «сочинении»¹. Поводом для его творческих рефлексий послужила речь Президента Республики Армения Сержа Саргсяна от 16 октября 2010 года, произнесенная им в Горисе во время встречи с журналистами и представителями интеллигенции армянской Диаспоры. Этому представителю властного клана Алиева не понравилось то, что Президент Республики изложил участникам форума историю Арцаха, обосновал легитимность провозглашения НКР, рассказал о действительных виновниках развязывания войны и донес, в целом, всю правду о бесконечно искажаемых пропагандистской машиной Азербайджана армяно-азербайджанских отношениях. Р. Мехтиев попытался противопоставить этому свою азербайджанскую «истину», представляющую из себя ни что иное, как адресованные армянам

¹ Мехтиев Рамиз Энвер оглы, Горис-2010: сезон теапра абсурда. <http://www.Trend.az>. 29.10.2010.

обвинения в иницировании конфликта, захвате двадцати процентов территории Азербайджана, беженцах, организации каких-то погромов и прочих «грехах», озвученных чиновником страны, потерпевшей поражение в войне, который подобно побитому юноше кичливо приправляет свои слова угрозами применения силы. Еще одной несуразной особенностью публикации азербайджанского чиновника - представителя страны, «подарившей» миру целый легион фальсификаторов - являются выдвигаемые здесь армянским ученым претензии в прегрешениях против исторической истины, в переименовании цельных исторических сочинений, в представлении действительности в удобной, приемлемой для себя форме и прочих фальсификациях. Однако, даже вырядившись в тогу «поборника» науки, Р. Мехтиев не погнушался выступить с инсинуациями, исказить факты, выворотив все шиворот-навыворот. Но нашей задачей в данном случае является не выявление всей подноготной его обвинений или. отповедь на его странные рефлексии. Его сочинение уже удостоилось соответствующего резонанса со стороны армянских историков¹. Мы вновь обратимся к Арцаху и, в частности, к проблемам его этнического состава и языка, которые для азербайджанских авторов всегда являлись камнем соблазна и наиболее часто муссируемой темой.

Суждения Р. Мехтиева сводятся к тому, что Арцах¹ представляет из себя албанскую область (следовательно, азербайджанскую – Г.С.), сам топоним не армянский, край был населен албанцами, говорящими на своем языке и, наконец, армяне здесь являются исключительно пришлым элементом. Однако, презентуя подобные умозаключения, он игнорирует сведения, изложенные в армянских и иноязычных источниках раннего и позднего средневековья, исследования которых приводит нас к тому безоговорочному выводу, что Арцах, за исключением короткого временного периода, никогда не являлся областью Алуанка, а с первых веков своего существования был заселен армянами, говорящими на особом арцахском (ныне-карабахском) армянском диалекте. Еще греческий географ Страбон писал, что во втором веке д.н.э., когда армянский престол занимал царь Арташес I (189-160гг. д.н.э.), в Армении (а значит и в Арцахе) все говорили на одном языке², то есть армянском, а Мовсес Хоренаци свидетельствовал, в свою очередь, о вхождении

¹ Տես Բ. Զ. Հարությունյան, Պետական մակարդակի բարձրագույն կենդանացումը, ՎԷՄ, 2010, թիվ 4, էջ 24-57, Ա. Ի. Շահնազարյան, Մարտահրավեր գիտությանը /Կրկին Ռամիզ Մեհրիկի «գլխազորոցի» մասին, ՎԷՄ, 2011, թիվ 2, էջ 164-182: (Арутюнян Б., Фальсификация, поднятая на государственный уровень, ВЕМ, 2010, ном. 4, с. 24-27, Шахназарян А.И., Вызов науке / Вновь о « шедевре » Рамиза Мехтиева, ВЕМ, 2011, ном. 2, с. 164-182)

² The Geography of Strabo, XI, XIV, 5; Հայ ժողովրդի պատմության քրեստոմատիա, Երևան 1981, էջ 196 (Христоматия истории армянского народа, Ереван, 1981, с. 196)

арцахцев в зону распространения армянского языка. Рассказывая о деятельности армянского царя Вагаршака по государственному строительству, отец истории писал, что вдоль границ армянской речи, в северо-восточном Армянском крае, царь создал наместничества, учредив в Арцах новое княжество во главе с сыном Сисака - Араном. «А в восточном краю, вдоль границ армянской речи...», - свидетельствует М. Хоренаци, - (назначил) Арана, мужа именитого, первого во всех делах мудрости и разума»¹. Очевидно, что Арцах, входя в административный состав государства, сформированного царем по границам армянской речи, мог быть только армянской областью, имел армянское население и родным его языком которого был армянский. Как отмечали армянские грамматикологи позднего средневековья, жители края говорили на армянском диалекте, который назывался «арцахским»: Одним из этих грамматиков был Степанос Сюнеци (VII-VIII вв.), который советовал не ограничиваться исключительно знанием армянского языка, распространенного в центральных районах страны, считая, что для искусного владения языком следует изучать диалекты, обогащающие родную речь. Он пишет: «также /следует/ знать все окраинные диалекты своего языка, кои суть корчайский и хутский и Четвертой Армении и сперский и сюнийский и арцахский, а не только срединный и центральный, ибо /и диалекты/ эти пригодны для стихосложения, а также для истории полезны»². В более поздний период другой армянский грамматик Есаи Нчеци особо указывал, что перечисленные Сюнеци диалекты принадлежат к армянскому языку, уверяя, что арцахский диалект - это «Язык не других народов, а собственного народа»³. Не вызывает сомнений, что армянский грамматик говорит здесь об армянском языке-языке общем для всей Армении, используемым как в средиземье и престольных городах, так и в окраинных провинциях. Следует к этому также добавить, что арцахский диалект, как одну из разновидностей этого общего языка, он называет «окраинным» и упоминает его наряду с другими диалектами пограничных провинций. Соответственно, ясно видно, что Арцах представлял собой одну из древнейших областей Армении, а разговорный язык местного населения, наряду с

¹ Խորենացի, էջ 112-113: (Хоренаци, с. 112-113)

^{2 3} Ն.Ադրնց, Ստեփանոս Սյունեցոյ մեկնութիւնք քերականին /«Արուեստ Դիոնեսեսայ քերականին եւ հայ մեկնութիւնք նորին»/, Երկիր, հատ.Գ, Երևան, 2008, էջ 187: (Адонц Н., Толкование грамматика Степаносом Сюнеци / «Дионисий Тракийский и армянские толкователи»/, Еркир, том 3, Ереван, 2008, с. 187)

³ Եսայի Նչեցի, Վերլուծութիւնք քերականութեան, աշխատասիրութեամբ Լ. Գ. Խաչերյանի, Երևան, 1999, էջ 65:(Есаи Нчеци, Толкования грамматика, с **комментариями** Хачеряна Л.Г., Ереван, 1999, с. 65)

прочими перечисленными разновидностями, являлся одним из армянских диалектов. Арабские авторы называют данный диалект «арранским», исходя из данного этому краю наименования «Арран»,¹ Согласно лингвистическим исследованиям, Арцахско-Карабахский диалект имел широкое географическое распространение. На нем говорило не только население всего Восточного края Армянского, он использовался и за его пределами². Кроме приведенных свидетельств, считаем целесообразным напомнить также о сообщениях Корюна, Хоренаци и Каланкатуаци об учреждении в Восточном крае Армении школ, распространении армянской письменности и, в целом, о деятельности Месропа Маштоца по проведению здесь работ образовательного и просветительского характера³, которые могли осуществиться лишь при наличии населения, говорящего на армянском языке⁴.

В последующие века Арцах, который был известен тогда под названием «Хачен», также был заселен армянами. Об том свидетельствует персидский автор XIII века, который ясно отмечает, что жителями края являются армяне, а их правителя называет «тагавором», то есть титулом, которым обычно армяне нарекали собственных правителей. Следовательно (и естественно) они говорили на армянском языке, а примером может послужить используемое слово «тагавор» (царь). «(Хачен-Г.С.), -пишет он, - «страна труднодоступная, среди гор и лесов. Это одна из областей Аррана, где проживают армяне (население «есть армянское» - «армани анд»-вставка переводчика-Г.С). Люди Абхаза называют их падишаха «тагавор»⁵. Особенность сообщения в следующем - оно не только безоговорочно подтверждает наличие в области армянского населения, но и дает твердые основания для подтверждения того факта, что в XII – XIII веках князьями,

¹СМОМПК, вып. 29, с. 29, вып. 38, с. 12

² Արցախի կամ Ղարաբաղի բարբառի և նրան առընթեր մի շարք հարցերի մասին մանրամասն տես Բ. Ա. Ալուրբարյան, Դրվագներ Հայոց Արևելից կողմանց պատմության, էջ 54-107:(Более подробно о диалекте Арцаха или Карабаха и связанных с этим иных вопросах см. Улубабян Б.А., Очерки о Восточном крае Армении, с. 54-107)

³ Կորյուն, էջ 74; Խորենացի, էջ 328; Վաղանկատվացի, էջ 95:(Корюн с. 74, Хоренаци с. 328, Калакатуаци с. 95)

⁴ Հայոց Արևելից կողմանց հայ բնակչության և նրա գրի ու դարձման մասին մանրամասն տես Ա. Շ, Մնացականյան, Աղվանից աշխարհի գրականության հարցերի շուրջը, Երևան, 1966: (Об армянском населении Восточного края Армении и о его письменности и литературе подробнее смотри Мнацаканян А.Ш., О вопросах литературы страны Алуанк, Ереван, 1966.

⁵Аджа Иб Ад-Дунна, с. 199.

правителями этого заселенного армянами края также были представители этого народа. Это заметили и переводчики данного сочинения¹.

Самое лучшее представление об этнической принадлежности и языке населения Арцаха дают тысячи армянских эпитафий, высеченных на могильных камнях, церковных сооружениях и иных историко-архитектурных памятниках.² Они пришли к нам из древних времен и, сохранившись до сегодняшних дней, непререкаемо демонстрируют содержимым своих хронологических сведений, письменных источников и используемым языком, что здесь веками, непрерывно, жил автохтонный народ, который писал и говорил на армянском языке, то есть, это были армяне со своим родным языком

Рамизу Мехтиеву не чуждо, подобно его предшественникам, объявлять «албанцами» армянских историков Мовсеса Каланкатуаци и Киракоса Гандзакеци, князей Сахла Смбатяна, Есаи Абу Мусе, Гасана Джалал-Дола и других, считая, по всей видимости, что при бесконечном повторе ложь может обратиться в действительность.

Публикация Р. Мехтиева, полная произвольных, волюнтаристических интерпретаций, преследует также стратегическую цель. Она является своеобразным резонансом на требование президента республики И. Алиева, выдвинутое им еще 14 декабря 2005 года на торжественном заседании, посвященном 60-летнему юбилею НАН Азербайджана. В своей речи президент, пообещав внушительную финансовую поддержку, поставил перед азербайджанскими исследователями прямую задачу - не ограничивая себя в достижении средств, «доказать», что азербайджанцы представляли автохтонную часть населения Нагорно-Карабахской Республики, а армяне являлись лишь пришлым элементом. Однако, президентское требование представить недействительное действительным и стремление академиков, подобных Р. Мехтиеву, осуществить эту цель, является мягко говоря, несерьезным действием и достойно всеобщего осуждения.

Публикация, со всеми ее фальсификациями (а мы рассмотрели лишь их малую толику), помимо всего прочего, отражает ту нездоровую атмосферу, которая господствует в сфере азербайджанской исторической науки в вопросах, касающихся истории армянского народа.

¹См. там же с. 286, ком. 366:

² Պիվիսի, V, Երևան, 1982: (Архив, V, Ереван. 1982)